

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

РАСКОЛОТЫЕ СНЫ

*Сидни Шелдон –
писатель №1
в мире!*

Сидни Шелдон

Расколотые сны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128502

Шелдон, Сидни. Расколотые сны : [роман] : АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-090320-7

Аннотация

Этот убийца ужасает жестокостью даже ко всему привыкших детективов...

Его кровавые деяния безумны – но то, как блестяще они исполнены, свидетельствует об изощренном уме...

Идя по следу, полиция делает шокирующий вывод: убийца – женщина.

Подозреваемых – три: элегантная красавица Эшли, озорная «девушка без комплексов» Тони и нежная, женственная Алетт.

Но кто же из них – убийца?!

Содержание

Книга 1	5
Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	54
Глава 5	70
Глава 6	84
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сидни Шелдон

Расколотые сны

Этот роман основан на реальном происшествии

Посвящается двум Ларри: Ларри Хьюзу и Ларри Кирибауму, моим литературным шерпам

Sidney Sheldon

TELL ME YOUR DREAMS

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates

и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1998

© Перевод. Т.А. Перцева, 1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Книга 1

Глава 1

Кто-то неотвязно преследовал ее. Она читала о подобном в газетах, видела в кино и по телевизору, но все эти страшные истории случались с другими. Происходили в ином мире – мире насилия и жестокости. Она понятия не имела, кто бы это мог быть. Значит, у нее появились враги? Неужели кому-то взбрело в голову расправиться с ней?

Она отчаянно пыталась держать себя в руках, не запаниковать, не сорваться, но последнее время ее сны превратились в невыносимые кошмары, и каждое утро она просыпалась с предчувствием неминуемой беды. Словно густой серый туман окутал ее, стискивая горло, проникая в легкие, не давая дышать.

– Возможно, все дело в разыгравшемся воображении. Я слишком много работаю. Давно пора взять отпуск.

Эшли Паттерсон со вздохом повернулась к зеркалу. Из серебристой глубины на нее глядела молодая, строго одетая женщина с тонкими патрицианскими чертами лица, стройной фигурой и умными, но, к сожалению, встревоженными карими глазами. Эшли словно окружала атмосфера истинной неброской элегантности, неяркой красоты и такого ред-

кого в наши дни интеллекта. Темные волосы мягкими волнами спадали на плечи.

«Боже, ну и уродина же я! Тощая как жердь. Нужно хотя бы попытаться больше есть и не надрываться на работе!»

Обреченно пожав плечами, Эшли вышла из ванной и отправилась на кухню готовить завтрак. Хорошо бы выкинуть из головы навязчивые мысли об ужасе, в котором она живет последнее время, и сосредоточиться на взбивании омлета. Остается надеяться, что он получится таким, как в кулинарной книге, – пышным и золотистым. Ну вот, кажется, все в порядке. Остается включить кофеварку и сунуть в тостер кусочек хлеба.

Уже через десять минут все было в полном порядке. Эшли накрыла на стол, уселась, взяла вилку, но тут же с отвращением отвернулась. Страх окончательно лишил ее аппетита.

«Так больше продолжаться не может! Кто бы ни была эта тварь, не позволю доводить себя до безумия! Не позволю! Я должна, должна сделать что-то!»

Эшли взглянула на часы. Ну вот, опять ничего не вышло. И на работу пора.

Она поспешно осмотрелась, будто пытаясь найти утешение в знакомой обстановке. Уютная, со вкусом меблированная квартира. Третий этаж доходного дома на виа Кэмино-Корт: гостиная, спальня, кабинет, ванная, кухня и туалетная комната для гостей. Вот уже три года она жила в небольшом городке Купертино, штат Калифорния, и до последне-

го времени считала свой дом идеальным гнездышком, убежищем от надоедливо-обыденной действительности. Но две недели назад дом превратился в неприступную крепость, место, где никто ее не потревожит. Не посмеет причинить зло.

Эшли подошла к двери и принялась внимательно изучать замок.

«Нужно непременно установить еще один засов. Завтра же».

Она выключила свет, еще раз проверила, заперта ли дверь и спустилась на лифте в подземный гараж.

Там никого не было. Машина Эшли стояла в двадцати футах от лифта. Эшли в панике огляделась и, звонко простучав каблучками по бетонному полу, метнулась к автомобилю. Она благополучно скользнула внутрь и, захлопнув дверцу, попыталась отдышаться. Сердце колотилось так, что болели ребра.

Она включила зажигание и направилась в центр городка. Надо же, и погода выдалась под стать ее настроению. Над домами нависало низкое, зловеще-черное небо. Цвет дурного предзнаменования. Тучи – предвестники несчастья...

Сегодняшний прогноз погоды обещал дождь.

«Не может быть! Солнце обязательно выглянет! Господи, ты позволишь заключить с тобой договор? Если сегодня будет сухо, значит, все в порядке, и я просто все это себе напридумывала. Пожалуйста, Господи!»

Десять минут спустя Эшли Паттерсон оказалась в деловой части Купертино. Она все еще испытывала нечто вроде благоговения перед событием, превратившим когда-то сонный маленькой уголок долины Санта-Клара в мировое чудо. Именно здесь, в пятидесяти милях от Сан-Франциско, началась компьютерная революция, и весь мир узнал новое наименование этого места – Кремниевая Долина.

Эшли работала в «Глоубл компьютер графикс корпорейшн», процветающей, быстро растущей молодой фирме с двумя сотнями служащих.

Повернув на Силверадо-стрит, Эшли вдруг зябко поежилась. Опять это странное чувство! Словно он сзади. За спиной. Преследует ее. Едет по пятам. Но кто? И почему?

Эшли глянула в зеркальце заднего обзора. Кажется, все как обычно. Совершенно обычно.

Несмотря на то, что сердце, инстинкт и интуиция вопили, кричали, твердили об опасности.

Эшли подъехала к длинному современному зданию «Глоубл компьютер графикс», оставила машину на стоянке, показала охраннику свое удостоверение и облегченно вздохнула. Здесь она чувствовала себя в полной безопасности.

Не успела она выйти из машины, как хлынул дождь.

Несмотря на раннее утро, в коридорах компании сновал народ. Опаздывать было не принято. Уже к девяти часам здание гудело, точно улей. Все восемьдесят модульных отсе-

ков-клетушек были заняты молодыми амбициозными компьютерными асами, вундеркиндами и гениями, энергично создающими очередные сайты, логотипы новых компаний, макеты обложек и наклеек для звукозаписывающих и издательских фирм и иллюстрации для журналов.

На этом этаже находилось несколько отделов – административный, реализации, маркетинга и вспомогательно-технический. Атмосфера царила самая неформальная. Служащие считали возможным являться на работу в джинсах, свитерах и футболках.

Эшли уже шагнула было к своему столу, но дорогу заступил Шейн Миллер, ее непосредственный начальник. Широкоплечий плотный мужчина лет тридцати двух, с довольно приятным, хотя и неизменно серьезным лицом. В самом начале их знакомства он, очевидно, из чисто спортивного интереса попытался было затащить Эшли в постель, но, поскольку из этого ничего не вышло, сумел вовремя отступить и остаться ее хорошим приятелем. Только приятелем и никем иным.

Поздоровавшись, он вручил Эшли последний номер журнала «Таймс».

– Видела?

Во всю обложку красовалось фото представительного пожилого человека с копной серебряных волос. Подзаголовок гласил:

«Доктор Стивен Паттерсон – автор методики микроопе-

раций на сердце».

– Видела.

– Интересно, каково это – быть дочерью знаменитого отца?

– Изумительно, – улыбнулась Эшли.

– Он действительно потрясающий мужик.

– Обязательно передам ему твои слова. Мы сегодня обедаем вместе.

– Вот и прекрасно. Кстати...

Шейн Миллер протянул Эшли снимок кинозвезды, рекламирующей косметику для очередного клиента.

– У нас очередная проблема. Дезире успела набрать около десяти фунтов, и этого никак не скроешь. Взгляни только на эти темные круги под глазами! Словно сажей умывалась! И даже под слоем штукатурки заметно, что кожа припухшая и покрыта какими-то красными пятнами! Настоящее чучело. Как по-твоему, можно что-нибудь сделать?

Эшли пристально взгляделась в изображение кинодивы.

– Можно использовать блёр: фильтр-размывку для глаз, а для того, чтобы физиономия казалась потоньше, попробую искажение... Нет, тогда она на себя не будет похожа...

Она снова принялась изучать фото.

– Возможно, аэрограф-имитатор или клон-тул¹ на некоторых участках...

¹ Методы и приемы компьютерной графики в системе «фотошоп», применяемой для изготовления иллюстраций. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Спасибо. Насчет субботнего вечера: надеюсь, все без изменений?

– Совершенно без.

Миллер кивнул на снимок.

– Можешь не спешить. Все равно срок сдачи истек еще месяц назад.

– Что еще такого же приятного сообщишь? – улыбнулась Эшли.

Забыв обо всем, она принялась за работу. Эшли считалась специалистом по рекламе и компьютерной графике. Именно ей поручались самые сложные заказы.

Еще через полчаса, почувствовав чей-то взгляд, она подняла голову. Рядом стоял Деннис Тиббл.

– Доброе утро, солнышко.

Скрипучий голос словно напильником резанул по натянутым нервам. Эшли едва заметно поморщилась. Тиббл считался настоящим компьютерным гением, чудо-мальчиком и недаром получил прозвище «Скорая помощь», поскольку за считанные минуты мог исправить любую неполадку в компьютере. Типичный самовлюбленный осел, из тех чванливых жлобов, кто еще в юности успел растерять все волосы, зато приобрел невыносимо-покровительственную манеру общения с окружающими. Несмотря на поистине золотые руки, он не пользовался симпатией служащих компании. Последнее время ходили упорные и небеспричинные слухи, что он

неравнодушен к Эшли.

– Требуется подмога?

– Нет, спасибо.

– Эй, как насчет интимного ужина в субботу вечером?

– Благодарю, я уже приглашена.

– Снова кадришься с боссом?

– Послушай, Тиббл, какое тебе... – рассерженно начала

Эшли.

Но тот не дал ей договорить:

– Не пойму, что ты в нем нашла? Кретин, мозги квадратные. Прикинь, какой тебе смысл с ним валандаться? Мы с тобой нехило время проведем, вот увидишь.

И подмигнув, добавил:

– Сечешь, о чем я толкую?

– Извини, Тиббл, у меня много дел, – процедила Эшли, стараясь не сорваться.

Но ничуть не смутившийся Тиббл наклонился еще ближе и прошептал:

– Тебе давно следует знать, крошка, что я не отступаю от задуманного. Никогда.

Эшли с брезгливой гримасой посмотрела ему вслед.

Неужели это он? Бр-р-р...

Ровно в двенадцать тридцать Эшли поднялась из-за стола и отправилась в «Жемчужину Рима», где договорилась пообедать с отцом.

Она сидела за угловым столиком в переполненном ресторане, глядя на приближавшегося отца. Нужно признать, он действительно красив и в пятьдесят остается стройным и подтянутым. Недаром люди оборачиваются, когда он проходит мимо.

«Каково это быть дочерью знаменитого отца?»

Много лет назад доктор Стивен Паттерсон стал зачинателем нового и сенсационно-успешного метода хирургических операций на сердце, требовавшего самого минимального вторжения в самый жизненно важный орган человека. Теперь его постоянно приглашали читать лекции и проводить курсы обучения хирургов в самых известных больницах мира. Мать Эшли умерла, когда девочке было двенадцать, и теперь у нее не осталось ни одного родственника, кроме отца.

– Прости за опоздание, Эшли! – извинился он, целуя дочь в щеку.

– Ничего страшного, я сама только появилась.

Стивен придвинул стул и уселся.

– Видела «Таймс»?

– Да. Шейн показывал.

– Шейн? – нахмурился отец. – Твой босс?

– Не босс. Просто... просто один из старших дизайнеров.

– Никогда не следует мешать бизнес с удовольствием, Эшли. Ты ведь встречаешься с ним вне работы? По-моему, это в лучшем случае нелепо, а в худшем – непоправимая ошибка.

– Папа, мы всего лишь хорошие...

У столика возник официант:

– Не хотите ли взглянуть на меню?

Доктор Паттерсон круто развернулся:

– Вы, кажется, не видите, что мы беседуем? – рявкнул он на весь ресторан. – Убирайтесь и не подходите, пока не позвонят!

– Я... я... Простите.

Совершенно уничтоженный официант исчез. Эшли съехала от стыда. Опять она забыла о почти безумной вспыльчивости отца. Однажды он ударил ассистента, сделавшего что-то не так во время операции.

Эшли вспомнила дикие ссоры между отцом и матерью, когда дело доходило едва ли не до драки. Каждая такая стычка смертельно пугала ее. Причина скандалов много лет оставалось неизменной, но что это была за причина, Эшли не помнила. Мозг маленькой девочки словно заблокировал неприятное открытие.

Отец спокойно продолжал, как бы не замечая позорного бегства официанта и смятения дочери:

– На чем мы остановились?.. Ах, да. Подобные отношения с Шейном Миллером я считаю ошибкой. Огромной ошибкой.

Его слова пробудили в памяти еще одну тягостную историю. В голове вновь и вновь, с навязчивостью испорченной пластинки звучал отцовский голос:

– Такого рода отношения с Джимом Клири – ошибка. Огромная ошибка.

Эшли как раз исполнилось восемнадцать. Тогда она жила в Бедфорде, штат Пенсильвания, городе, где родилась и выросла. Джим Клири был всеобщим любимцем и пользовался огромным успехом среди девчонок бедфордской средней школы. Футболист, красавец с неотразимой улыбкой и редкостным чувством юмора. Эшли казалось, что все одноклассницы умирают от желания переспать с ним и большинство уже осуществило свою мечту. Когда Джим стал назначать Эшли свидания, та была полна решимости не сдаваться. Она не станет подражать этим жалким безвольным дурам! Сначала девушка была уверена, что ему нужно от нее лишь одно, но со временем убедилась, что это вовсе не так. Им было хорошо вдвоем, и Джим, казалось, искренне наслаждался ее обществом.

Зимой старшеклассники собрались поехать в горы на субботу и воскресенье. Все предвкушали удовольствие покататься на лыжах, посидеть в горной хижине и поразвлечься без постоянного надзора взрослых. Джим Клири ни о чем другом не мог думать – он был заядлым лыжником.

– Мы классно проведем время, – пообещал он Эшли.

– Я не еду.

Джим ошарашенно моргнул и в полном изумлении уставился на Эшли:

– Почему?

– Ненавижу холодную погоду. Пальцы даже в перчатках превращаются в ледышки.

– Но представь только, как весело...

– Я не еду.

И он остался в Бедфорде, чтобы побыть с ней.

Обнаружилось, что у них общие интересы, одинаковые жизненные принципы и вместе им никогда не скучно. Как-то Джим Клири с непривычной робостью пробормотал:

– Мальчишки все время пристают ко мне. Хотят знать наверняка, ты моя девушка или мы с тобой всего лишь... Что им сказать?

– Скажи, что ты мой парень, – улыбнулась Эшли.

Но доктор Паттерсон, очевидно, не слишком одобрял их дружбу.

– Ты слишком часто видишься с этим мальчишкой Клири.

– Отец, он хороший, порядочный и добрый, и я его люблю.

– Любишь? Какая чушь! Разве можно любить какого-то идиотского футболиста?! Не позволю своей единственной дочери выйти замуж за балбеса-спортсмена. Он недостаточно хорош для тебя, Эшли.

Позже она слышала эту фразу каждый раз, когда знакоилась с очередным мужчиной.

Отец сыпал упреками, всячески изничтожая несчастного Джима едкими репликами, но настоящий взрыв произошел в ночь выпуска. Джим Клири заехал за Эшли, чтобы отвез-

ти ее на бал, и удивленно застыл на пороге, увидев, что она всхлипывает.

– В чем дело? Что случилось?

– Мой... мой отец сказал, что увозит меня в Лондон. Он... он записал меня в колледж...

Джим тяжело вздохнул:

– Он сделал это из-за нас, верно?

Эшли пристыженно опустила глаза и кивнула.

– Когда ты улетаешь?

– Завтра.

– Нет! Эшли, ради бога, не позволяй ему разлучить нас! Послушай, я хочу жениться на тебе. Дядя предложил мне хорошее место в Чикаго, в его рекламном агентстве. Я сумею заработать на нас двоих. Будем учиться, хотя бы по вечерам. Давай убежим. Завтра жди меня на вокзале. Поезд на Чикаго отходит в семь утра. Ты поедешь со мной?

Эшли долго смотрела на него, прежде чем снова кивнуть:

– Поеду.

Позже, думая о том вечере, Эшли никак не могла вспомнить, что творилось на балу. Они с Джимом весь вечер просидели в укромном уголке, взволнованно обсуждая свои планы.

– Почему бы не полететь самолетом? – спросила Эшли.

– Потому что при покупке билетов спрашивают фамилии. Если мы поедem поездом, никто не дознается, куда мы де-

лись.

Когда музыка стихла, огни потухли и бывшие школьники веселой толпой повалили из зала, Джим тихо спросил:

– Не хочешь заглянуть ко мне? Предки уехали на весь уик-энд.

Эшли поколебалась, раздираемая желанием побыть с Джимом немного подольше и страхом перед отцом.

– Джим... мы так долго ждали. Какое значение имеют еще несколько дней?

– Ты права, – разочарованно вздохнул Джим, но тут же расплылся в улыбке. – Должно быть, я остался единственным в этой стране, кому повезло жениться на девственнице.

Дома Эшли уже дожидался доктор Паттерсон, багровый от ярости:

– Где вы шлялись так долго?!

– Простите, сэр. Бал...

– Не желаю слушать никаких ваших чертовых оправданий, Клири. Интересно, кого вы пытаетесь одурачить, молодой человек?

– Я не...

– С этой минуты держите свои грязные лапы подальше от моей дочери, ясно?

– Отец...

– А тебе лучше помолчать! – завопил он. – Клири, прямо сейчас проваливайте из моего дома, и чтобы я больше вас

здесь не видел.

– Сэр, ваша дочь и я...

– Джим...

– Немедленно иди к себе.

– Сэр...

– И если я когда-нибудь увижу твою рожу еще раз, переломаю тебе все кости!

Эшли в жизни не видела его в таком бешенстве. Дело кончилось криками и едва ли не дракой. Когда Джим все-таки ушел, Эшли залилась слезами. Она убежала к себе и долго сидела на постели, сжавшись в комочек. Она не должна позволять отцу разрушить ее жизнь. Ее будущее – Джим, и она уйдет с ним. Больше ее ничего здесь не удерживает.

Эшли потихоньку встала, побросала в сумочку кое-какие вещи и, выскользнув с черного хода, побежала к дому Джима, расположенному всего в нескольких кварталах. Сегодня она останется у него, а завтра они вместе уедут в Чикаго.

Но на полпути Эшли остановилась. Стоит ли портить все, что так прекрасно начиналось? Лучше прийти прямо на вокзал.

И она пошла домой. И всю ночь не спала, думая о счастье, которое ждет их впереди. Какие только фантазии не рождались в мозгу девочки, стремившейся вырваться наконец на волю и избавиться от давящей опеки отца. В половине шестого она подхватила сумку, на цыпочках прошла мимо закрытой двери отцовской спальни и села на автобус, идущий

к вокзалу. Джима еще не было. Она приехала слишком рано. До поезда еще целый час.

Эшли уселась на скамейку, вне себя от нетерпения. Скорей бы пришел Джим! Не дай бог, отец проснется раньше обычного и обнаружит ее исчезновение. Страшно представить, что тогда будет!

Но она не должна позволять ему и впредь манипулировать ею, как марионеткой. Когда-нибудь он поймет, какой прекрасный человек Джим и как ей повезло. Шесть тридцать... шесть сорок... шесть сорок пять...

Где же Джим? Эшли в ужасе осмотрелась. Что могло случиться? Нужно немедленно позвонить!

Длинные гудки отдавались эхом в глубине пустого дома. Никто не брал трубку.

Шесть пятьдесят пять... Он в любую минуту появится.

Вдалеке послышался гудок тепловоза, и девушка посмотрела на часы. Без одной минуты семь. Состав уже подают!

Эшли вскочила и в отчаянии заломила руки.

«С Джимом произошел несчастный случай! Что-то ужасное! Он в больнице!»

Несколько минут спустя Эшли тупо уставилась вслед поезду, уносившему с собой ее мечты. Подождав еще с полчаса, она снова попыталась позвонить Джиму и, не получив ответа, медленно зашагала к дому. В полдень она вместе с отцом уже сидела в самолете, летевшем в Лондон...

Два года Эшли проучилась в английском колледже и, когда решила специализироваться в области компьютерного дизайна, приняла участие в конкурсе Калифорнийского университета в Санта-Круз на престижную стипендию Уонга, учрежденную для женщин, избравших технические профессии. Она оказалась одной из победительниц и три года спустя поступила на работу в «Глоубл компьютер графикс корпорейшн». Вначале Эшли пыталась писать Джиму Клири, но каждый раз рвала письма. Его исчезновение и упорное молчание яснее слов говорили о том, что отец оказался прав.

Безапелляционный голос Стивена вернул Эшли к реальности.

– Ты где-то за сотни миль от меня. О чем только думаешь?

– Ни о чем, – небрежно бросила она, не глядя на отца.

Доктор Паттерсон знаком подозвал официанта и, великодушно улыбнувшись, объявил:

– Теперь, пожалуй, можно нести меню.

После долгого мучительного обеда Эшли, обреченно вздохнув, выбежала из ресторана и только тогда вспомнила, что забыла поздравить отца с очередным свидетельством его всемирной славы.

Ничего не поделаешь, может, она позвонит... позже.

У стола Эшли уже отирался Деннис Тиббл.

– Говорят, ты общалась с папашей.

«Он еще подслушивает, слизняк несчастный! Вечно сует

свой нос в каждую щель! Не успокоится, пока не пронюхает, что творится в каждом отделе!»

– Совершенно верно.

– Должно быть, скука смертная!

Он интимно понизил голос:

– Почему бы тебе не пообедать как-нибудь со мной?

– Деннис, я уже говорила, ты меня не интересуешь.

– Ничего, – ухмыльнулся Тиббл, – заинтересуешься. Еще не вечер.

Несмотря на улыбку, слова его прозвучали почти угрозой. Что-то в нем неприятное... пугающее, отчего мороз по коже пробирает. Неужели именно он преследует...

Эшли покачала головой. Нет. Нужно забыть обо всем и жить дальше.

По пути домой Эшли остановилась у «Эпл три бук хаус», большого книжного магазина. Прежде чем войти, она долго изучала свое отражение в витрине, чтобы убедиться в отсутствии слезки. Но за спиной никого не было, да и улица оказалась почти пустынной. Она открыла дверь. Навстречу шагнул молодой человек.

– Чем могу помочь, мисс?

– Вы... У вас есть книга о маньяках?

– Маньяках? – переспросил продавец, как-то странно поглядев на нее. Эшли почувствовала себя окончательной идиоткой.

– Да, – пролепетала она. – И еще мне нужны книги по садоводству... и африканской фауне.

– Значит, маньяки, садоводство и африканская фауна?

– Именно, – коротко подтвердила она.

«Кто знает? Может, когда-нибудь я разведу сад и поеду в Африку».

Эшли едва успела вернуться к машине, как снова заморосило. Дождь все усиливался. Прозрачные капли били по ветровому стеклу, искажая видимость и превращая улицы в сюрреалистические пуантилистские² картины. Девушка включила «дворники». Резиновые скребки шуршали по окну, шипя, словно рассерженные змеи:

– Он тебя достанет... достанет... достанет...

Эшли поспешно дернула ручку переключателя. Нет, не может быть. Они просто говорят:

– Здесь никого нет... никого нет... никого нет...

Она снова включила «дворники».

– Он достанет тебя... достанет... достанет...

Эшли оставила автомобиль в гараже, вызвала лифт и поднялась к себе. Повернув ключ в замке, она открыла дверь и застыла на пороге.

Вся квартира сияла огнями, как праздничная елка. Лампы, светильники бра и торшеры были включены. Кем? Кем?!

² Одно из направлений импрессионизма – способ рисования «точками».

Глава 2

Вокруг тутовника вприпрыжку
Гонялась за хорьком мартышка
И чуть не падала от смеха:
Вот так игра! Ну и потеха!
Но – прыг да скок – удрал хорек³.

Глупая песенка, верно? Совсем идиотская. Но в глубине души Тони Прескотт точно знала, почему так любит ее напевать. Мамаша на стенку лезла, едва слышит мелодию.

– Перестань нудить! Опять это дурацкое нытье! Слышишь? Немедленно замолчи! И голос у тебя, как у вороны! Вместо того чтобы каркать, уроки учи!

– Хорошо, мама.

И Тони продолжала упорно петь, только на этот раз про себя или едва слышно. Как давно это было, и все же до сих пор мысль о том, как она ухитрялась делать матери назло, греет душу.

Тони Прескотт тоже работала в «Глоубл компьютер графикс» и терпеть не могла самый воздух своей унылой клетушки. Будь ее воля, непременно нашла бы что-то получ-

³ Все стихи в книге даны в переводе Е.Ф. Левиной.

ше. Паршивая дыра с наглыми снобами-поганцами, которые только и знают, что носы задирать! Однако она изо всех сил старалась не выказывать своих истинных чувств. Да и кто бы мог заподозрить в лицемерии изящную двадцатидвухлетнюю красотку с точеной фигуркой, веселыми карими глазами и лукавым овальным личиком, всегда готовую на озорную проделку и остроумный розыгрыш. Уроженка Лондона, она до сих пор говорила с очаровательным британским акцентом и в довершение ко всему была заядлой спортсменкой и обожала зимние виды спорта, особенно лыжи, коньки и бобслей.

Несколько лет назад Тони училась в одном из лондонских колледжей, и если днем ничем не выделялась из обычной студенческой толпы, вечером мало кто мог бы узнать скромно одетую мисс Прескотт в размалеванной развязной девице в почти не существующей мини-юбке и ярком прикиде в стиле диско. Она посещала все модные уэст-эндские тусовки, клубы и дискотеки, вроде «Электрик болрум» на Камден-Хай-стрит и «Лепед-лаундж». У нее оказался чудесный голос: чувственный, низкий, чуть хрипловатый, и Тони иногда выходила на эстраду, садилась за пианино и пела. Публика, как правило, награждала ее шумными овациями. Только в такие минуты она оживала и могла дышать полной грудью.

Но дальше все шло по накатанной дорожке, избитому, изъезженному шаблону, от чего у Тони сводило скулы и в

душе поселялась тихая неизбывная тоска.

– Знаете, Тони, вы чертовски хорошая певица.

– Наверное.

– Разрешите угостить вас? Что будете пить?

– Неплохо бы попробовать, какой здесь «Пиммз»⁴.

– Будет сделано.

И кончалось все совершенно одинаково, словно иных слов они не знали. Мужчина наклонялся поближе и заговорщически шептал:

– Почему бы нам не отправиться ко мне и не повеселиться на всю катушку?

– Отвали, – коротко бросала Тони и исчезала.

По ночам она долго лежала без сна, размышляя о том, как глупы и ничтожны мужчины и как легко ими манипулировать. Бедняги, сами того не зная, хотели, чтобы их дергали за ниточки. Их необходимо дергать за ниточки. Без этого они ни на что не способны.

А потом пришлось переехать в Купертино. Вначале новая жизнь казалась сущим кошмаром. Тони мгновенно прониклась отчаянной ненавистью к Купертино и «Глоубл компьютер графикс». Ей до смерти осточертело слушать споры о «количестве линий на дюйм», «полутонах», «гридах» и «дополнительном расширении программ». Ей ужасно не хвата-

⁴ Фирменное название алкогольного напитка из джина, разбавленного особой смесью.

ло ежевечернего допинга лондонской ночной жизни. Правда, и в округе было несколько неплохих местечек, и Тони скоро освоилась с «Сан-Хосе лайв», «Пи-Джи Миллиген» и «Холливуд джанкшн». Снова пригодились ее обтягивающие микро-юбочки, липнувшие к телу топики с огромными вырезами, босоножки с двенадцатисантиметровыми каблуками и туфли на толстых пробковых платформах. И макияж, тонны и тонны макияжа: накладные ресницы, черный карандаш для век, цветные тени и яркая губная помада. Она словно старалась спрятать свою красоту за уродливо размалеванной маской.

Иногда Тони проводила уик-энд в Сан-Франциско, где кипела настоящая жизнь: обходила рестораны и клубы, в которых играли оркестры «Гарри Дентон», «Уан макет» и «Калифорния кефи», а стоило музыкантам уйти на перерыв, как Тони подбегала к фортепьяно и принималась играть и петь. Постепенно клиенты стали узнавать девушку. Очевидно, она пользовалась немалым успехом, потому что, когда пыталась заплатить за ужин, владельцы отказывались брать деньги и просили лишь об одном: чтобы она приходила почаще.

– Вы просто великолепны, – не уставали повторять они. – Пожалуйста, не пропадайте.

«Слышишь, мама?! «Вы просто великолепны. Пожалуйста, не пропадайте!»

Как-то в субботу Тони ужинала во французском зале оте-

ля «Клифф». Музыканты закончили часть программы и, отложив инструменты, ушли с эстрады. Метрдотель многозначительно взглянул на Тони. Девушка поднялась и, сев за рояль, начала петь старую песню Коула Портера. Когда последние аккорды замерли, раздался гром аплодисментов. Тони исполнила еще две вещи и вернулась к своему столику. К ней подошел лысый мужчина средних лет, извинившись, попросил разрешения присесть. Тони отрицательно покачала головой, но незнакомец оказался настойчивее, чем она предполагала.

– Я Норман Циммерман, – представился он. – Продюсер гастрольной труппы «Король и я». Мне бы хотелось поговорить с вами насчет возможности артистической карьеры.

Тони только на днях прочла огромную статью о Циммермане. Автор рассыпался в комплиментах и именовал продюсера «настоящим ценителем, гением театра, одним из последних могикан, которых так мало осталось в наше время».

Норман придвинул стул и долго устраивался поудобнее.

– У вас выдающийся талант, юная леди. Вы зря тратите время, околавываясь в подобных забегаловках. Вам следует попробовать свои силы на Бродвее.

«Бродвей. Ты слышишь, мать? Бродвей!»

– Я с удовольствием устрою вам прослушивание, если, конечно...

– Простите, но все это ни к чему. Я не могу.

Циммерман ошарашенно уставился на нее.

– Такой шанс выпадает раз в жизни, юная леди. Даю слово, перед вами откроются все двери. Вы, кажется, сами не понимаете, насколько одаренны.

– У меня уже есть работа.

– Можно спросить, чем же вы занимаетесь?

– Служу в компьютерной компании.

– Вот что, дорогая, условимся, что для начала я дам вам вдвое больше, чем вы получаете сейчас, и...

– Поверьте, я крайне польщена, – перебила Тони, – и ценю ваше предложение, но... Но не могу.

Циммерман тяжело откинулся на спинку стула:

– Вас не интересует шоу-бизнес?

– Почему? Интересует, и очень.

– В чем же проблема?

Тони немного поколебалась и ответила, тщательно выбирая слова:

– Может так сложиться, что я покину вас на середине турне.

– Из-за мужа или...

– Я не замужем.

– Знаете, я отказываюсь вас понимать. Сами утверждаете, что шоу-бизнес вам небезразличен. Превосходный случай доказать, что...

– Мне очень жаль, но всего не объяснишь. Могу сказать только, что это невозможно.

«А если и объясню, разве он поймет? Ни он и никто в це-

лом свете. Что поделать, если я обречена жить с дьявольским проклятием на душе. На мне клеймо, и избавиться от него невозможно».

Несколько месяцев спустя после начала работы в «Глоубл компьютер графикс», Тони открыла для себя Интернет – огромный мир, доступный всем и каждому, независимо от того, несчастен он или счастлив, одинок или успел обзавестись семьей. Мир, в котором можно было без опаски знакомиться с мужчинами.

Как-то она ужинала в ресторане с Кэти Хили, подругой, работавшей в конкурирующей компьютерной фирме. Ресторан «Герцог Эдинбургский» когда-то представлял собой настоящий английский паб, который разобрали по кирпичу и досточке, сложили в контейнеры и переправили в Калифорнию. Тони нередко прибегала сюда, чтобы полакомиться излюбленными блюдами кокни⁵: жареной рыбой с картофелем, грудинкой, йоркширским пудингом, сосисками с пюре и английскими бисквитами, пропитанными шерри и залитыми взбитыми сливками.

– Нельзя отрываться от родной почвы, – приговаривала она, – и забывать свою родину. Неплохо бы точно знать, где твои корни.

Подружки оживленно болтали, не забывая при этом запивать еду светлым пивом, но Тони неожиданно замолчала и

⁵ Коренной житель лондонского Ист-Энда, обитатель бедных кварталов.

умоляюще посмотрела на Кэти:

– Мне неловко просить тебя об одолжении.

– Все, что пожелаешь, дорогая.

– Пожалуйста, помоги мне с Интернетом. Никак не сообщу, с чего начать.

– Тони, у меня дома нет компьютера, а единственный, с которым я имею дело, стоит в офисе, и руководство компании запрещает...

– Пропади пропадом твоя компания и ее руководство. Ты знаешь, как пользоваться Интернетом?

– Разумеется.

Тони погладила подругу по руке и улыбнулась:

– Вот и чудненько.

Назавтра к вечеру Тони явилась в кабинет подруги, и Кэти после долгих уговоров научила ее входить в Интернет.

Вызвав иконку Интернета, Кэти ввела свой пароль. После секундного ожидания, она щелкнула мышкой дважды, чтобы вызвать еще одну иконку, и вошла в «чат-рум». Тони изумленно застыла, наблюдая, как на экране появляются и исчезают фразы, напечатанные людьми, находившимися в эту минуту на другом конце света.

– Я должна в этом разобраться! – воскликнула она. – Немедленно покупаю себе компьютер! Будь лапочкой, покажи еще раз, как это делается.

– Запросто. Это легче легкого. Кликаешь мышкой иходишь в сектор ЛРР – локатор расположения ресурсов, а по-

том...

– Как поется в песне: чем рассказывать, лучше сразу показать, дорогая.

Верная слову Тони на следующий же день приобрела компьютер последней модели, и с тех пор в ее жизнь вошло волшебство Интернета. Она больше не скучала, не раздражалась, не томилась тоской. Интернет стал ковром-самолетом, носившим ее по всем странам и континентам. Приходя домой, Тони наспех переодевалась, включала компьютер и путешествовала по разнообразным «чат-рум». Все оказалось проще простого. Главное – войти в Интернет, нажать клавишу, и на экране разворачивалось окно, разделенное на две рамки.

– Привет, – напечатала Тони. – Есть тут кто-нибудь?

В нижней рамке засветились слова:

– Боб. Я тут. И жду тебя.

У нее появилось множество друзей. Теперь Тони никогда не будет одинокой.

– Я Ганс. Живу в Амстердаме.

– Расскажи о себе, Ганс.

– Я диск-жокей в потрясающем клубе. Фанатею хип-хопом, рейвом, уорлд-битом. Словом, только назови, я тут как тут.

– Просто отпад! Я люблю танцевать. Хоть всю ночь напролет! Но живу в ужасном городишке. Здесь негде оторваться, разве что на дискотеке, да и то не каждый день.

– Сочувствую.

– Спасибо, но что поделать?

– Хочешь, повеселимся вместе? Зависнем на все сто, закумаримся... Как насчет встречи?

– Привет.

Тони быстро вышла из «чат-рум».

– Давно не встречались, Тони. Помнишь меня? Я Пол из Южной Африки. Йоханнесбург. Хорошо, что ты вернулась, Тони.

– Я здесь и ужасно хочу узнать все о тебе, Пол.

– Мне тридцать два. Я доктор в больнице...

Тони рассерженно щелкнула мышкой и отключилась. Доктор! Ужасные воспоминания захлестнули ее, сдавив горло петлей, не давая дышать. Сердце бешено колотилось, на лбу выступили капли пота.

Тони закрыла глаза, стараясь взять себя в руки. Пожалуй, на сегодня хватит!

Она встала и, шатаясь, направилась в спальню.

Но на следующий вечер снова включила компьютер. На этот раз ее собеседником был некий Шон из Дублина.

– Тони... Какое милое имя.

– Спасибо, Шон.

– Бывала когда-нибудь в Ирландии?

– Нет.

– Тебе бы понравилось. Это страна фей и гномов. Но лучше скажи, какая ты, Тони? Бьюсь об заклад, что очень красивая.

– Ты прав. Я прелестная, волнующая и к тому же одинокая. А где ты работаешь, Шон?

– Я бармен в...

Тони не захотела слушать дальше.

Каждая ночь была по-своему интересна. Мужчины, мужчины, бесчисленное множество мужчин самых разнообразных профессий. Аргентинский игрок в поло, японский продавец автомобилей, служащий чикагского универмага, телевизионный мастер в Нью-Йорке... Интернет все больше затягивал Тони, превращаясь из занимательной игры в способ существования, и девушка неизменно наслаждалась каждым сеансом. Теперь она могла делать все что угодно: болтать на любые темы и заходить так далеко, как никогда раньше не смела. И при этом знать, что она в полной безопасности. Ничего ей не грозит, и никто не узнает, кто она. Не узнает правды.

Так продолжалось несколько месяцев. До той самой ночи, когда на связь вышел Жан-Клод Паран.

– Bon soir⁶. Счастлив познакомиться, Тони.

– Очень рада, Жан-Клод. Откуда ты?

– Из Квебека.

⁶ Добрый вечер (*фр.*).

– Никогда не была в Квебеке. Мне там понравится?

Тони ожидала увидеть на экране слово «да», но вместо этого Жан-Клод написал:

– Не знаю. Зависит от того, что ты за человек.

Столь нестандартный ответ заинтересовал Тони.

– Неужели? И какой же я должна, по-твоему, быть, чтобы прижиться в Квебеке?

– Квебек немного напоминает североамериканский фронтир⁷, хотя это настоящий французский город. Квебекцы очень независимы и не любят никому подчиняться. И никто им не указ.

– Как и мне, – напечатала Тони.

– В таком случае добро пожаловать в Квебек. Это чудесное место, заключенное в кольцо гор и голубых озер. Настоящий рай для охотников и рыболовов.

Как ни странно, Тони отчего-то остро чувствовала искренний энтузиазм Жан-Клода. Неужели ей наконец повезло напасть на родственную душу?

– Звучит неплохо, Жан-Клод. Расскажи о себе, если хочешь, конечно.

– О себе? Что тут расскажешь? Тридцать восемь лет, не женат. Недавно расстался с подругой и хотел бы найти женщину, которая бы меня понимала. Понимаешь, о чем я? Настоящую женщину. А ты? Замужем?

⁷ Новые земли, занимаемые переселенцами еще до образования Соединенных Штатов.

– Нет, и тоже в поисках. Чем занимаешься?

– Владею небольшим ювелирным магазинчиком. Надеюсь, ты когда-нибудь приедешь навестить меня и все увидишь собственными глазами.

– Это приглашение?

– Разумеется.

– Пожалуй, я поддамся искушению и соглашусь.

На этот раз она не шутила. Не пыталась отделаться общими фразами.

«Возможно, я действительно найду способ оказаться в Квебеке. Что, если он – именно тот, кто в силах спасти меня?»

Теперь они переговаривались каждую ночь. Жан-Клод даже сумел сосканировать и переслать свое фото, и Тони увидела весьма привлекательного мужчину с умными пронизательными глазами. Ничего не оставалось, кроме как ответить такой же любезностью. Увидев фото Тони, Жан-Клод напечатал:

– Ты прекрасна, ma chérie. Я знал это с самого начала. Пожалуйста, приезжай ко мне.

– Обязательно.

– И как можно скорее.

– Пока.

Тони торопливо отключилась.

Утром, на работе, Тони прошла мимо занятых разговором Шейна Миллера и Эшли Паттерсон.

«Что только он в ней нашел? Настоящая курица!»

По мнению Тони, Эшли была фригидной старой девой. «Ханжа чертова! Вечно строит из себя недотрогу!» Тони видеть ее не могла! По ее мнению, Эшли давно отстала от жизни и не находит ничего лучшего, как сидеть по вечерам дома, читать дурацкие книжки и смотреть по телевизору заплеванные исторические фильмы или передачи Си-эн-эн. Даже спортом не интересуется! Зануда несчастная! Она и понятия не имеет о существовании «чат-рум»! Ей, конечно, в голову не придет знакомиться с мужчинами через Интернет.

«Не знает, чего лишилась, дура этакая! Холодная, бесчувственная рыба! Не будь Интернета, я никогда бы не встретила Жан-Клода!»

Тони представила, как возненавидела бы мать Интернет и все, что с ним связано. Впрочем, мать ненавидела весь свет и ни к чему не относилась спокойно. На все реагировала либо воплями либо нытьем. Недаром Тони, как ни старалась, не могла ей угодить.

– Неужели ты никогда и ничего не можешь сделать по-человечески, глупая дрянь?

Эта фраза до сих пор звенит у Тони в ушах. Ничего, мамаша свое получила.

Тони вспомнила об ужасной гибели матери. Как она кричала тогда!

Тони удовлетворенно улыбнулась и вздохнула. Так ей и надо! Больше она никогда не запретит дочери петь!

На пенни ниток, чтобы шить,
И пенни за иголку.
Грош туда и грош сюда,
И в кармане пустота.
Прыг да скок – удрал хорек!

Глава 3

Интереснее всего, что Алетт Питерс могла бы стать знаменитой художницей. Правда, в другое время и в другом месте. Сколько она себя помнила, с самого раннего детства все ее ощущения были настроены на определенные цветовые оттенки. В отличие от простых смертных она была способна видеть, слышать и обонять цвета.

Голос ее отца был синим, а иногда и красным.

Голос матери никогда не менял темно-коричневого цвета.

Голос учителя светился желтым.

Голос бакалейщика наливался фиолетовым.

Шум ветра в листве сверкал изумрудами.

Звон льющейся воды играл отблесками серого.

Алетт Питерс едва исполнилось двадцать. Она могла быть почти уродливой, привлекательной или неотразимо прекрасной – в зависимости от настроения и мнения о себе. Но никто и никогда не считал ее «хорошенькой» или «пикантной мордашкой». Очарование Алетт крылось еще и в том, что сама девушка совершенно не подозревала о своей красоте и не слишком заботилась о внешности. Милая, застенчивая, мягкая – словом, из тех паинок, которых нынче днем с огнем не сыщешь.

Алетт родилась в Риме, обладала музыкальным итальян-

ским выговором и обожала свой родной город. Всем сердцем чувствовала духовное родство с великой столицей. Глядя на древние церкви и гигантский Колизей, она знала, что принадлежит к той давно угасшей эре великих свершений. Алетт гуляла по площади Навона, слушала мелодию воды, играющей в фонтане Четырех Рек, мерила шагами площадь Венеции с похожим на свадебный торт памятником Виктору-Эммануилу II. Проводила бесконечные часы в соборе Святого Петра, музеях Ватикана и галерее Боргезе, наслаждалась бессмертными творениями Рафаэля, Фра Бартоломео и Андреа дель Сарто. Талант этих великих мастеров одновременно восхищал и угнетал Алетт. Она ужасно жалела, что не родилась в шестнадцатом веке и навеки утратила возможность узнать их при жизни. Для нее они были куда более реальны, чем прохожие, деловито спешившие куда-то по оживленным улицам. Алетт отчаянно хотела стать художницей. Но темно-коричневый голос матери монотонно твердил:

– Только напрасно тратишь бумагу и краски. У тебя нет таланта.

Переезд в Калифорнию все изменил в ее жизни. Сначала Алетт тревожилась, не зная, как сложится ее судьба, боясь, что не сумеет привыкнуть, но Купертино оказался приятным сюрпризом. Здесь ее никто не знал. Она наконец обрела желанную свободу и, кроме того, полюбила свою работу в «Глоубл компьютер корпорейшн». Правда, здесь не бы-

ло картинных галерей, но по выходным Алетт часто ездила в Сан-Франциско и бродила по тамошним музеям.

– Зачем тебе вся эта муть? – удивлялась Тони Прескотт. – Лучше пойдем со мной в «Пи-Джи Миллинганс», хоть поселишься как следует!

– Неужели тебя не интересует искусство?

– Конечно, интересует, – лениво ухмыльнулась Тони. – А что это такое?

Лишь одно темное облако омрачало жизнь Алетт Питерс. Она страдала одной из форм маниакально-депрессивного психоза, и чувство постоянного отчуждения от окружающих нередко тревожило ее. Мгновенные смены настроения случались неожиданно, и она в одну секунду могла перейти от блаженной эйфории к полному отчаянию. И была лишена способности управлять своими эмоциями. Тони была единственной, с кем Алетт не стыдилась обсуждать свои проблемы. У нее всегда находился выход из любых затруднений, а именно предложение пойти и развлечься на всю катушку.

Любимой темой разговоров Тони была Эшли Паттерсон. Стоило Шейну Миллеру подойти к Эшли, как Тони мгновенно настораживалась.

– Посмотри только на эту фригидную сучонку! – презрительно шипела она. – Подумаешь, снежная королева!

– Она и вправду чересчур серьезна, – соглашалась Алетт. – Не мешало бы кое-кому научить ее смеяться.

– Скорее уж трахаться, – фыркала Тони. – Бьюсь об заклад, она не знает, каким местом это делается!

Раз в неделю Алетт после работы посещала приют для бездомных и помогала раздавать ужин. Среди несчастных, которым не повезло в жизни, была одна старушка, которая с нетерпением ждала посещения Алетт. Она не поднималась с инвалидной коляски, и девушка помогала ей устроиться за столом и приносила еду.

– Дорогая, – как-то сказала старушка, – будь у меня дочь, я хотела бы, чтобы она была похожа на вас.

Алетт судорожно стиснула ее руку.

– Вы слишком добры! Я не заслужила таких похвал, но все равно спасибо.

А скрипучий насмешливый внутренний голос ехидно проскрежетал: «Будь у тебя дочь, наверняка бы оказалась такой же грязной свиньей, как ты».

Алетт в ужасе закрыла глаза. Откуда такие мерзкие мысли? Словно кто-то сидит в ней, чужой и злобный! И такое случалось постоянно.

Как-то Алетт поехала за покупками с Бетти Харди, прихожанкой той же церкви, что и сама Алетт. Они остановились перед витриной универмага, и Бетти восхищенно вздохнула:

– Какое миленькое платице! Правда?

– Изумительное, – кивнула Алетт.

«В жизни не видела ничего уродливее! Вполне подходит

такому чучелу, как ты».

Снова и снова, опять и опять... Ни друзей, ни поклонников. Всех критиковал, над всеми насмеялся недремлющий мерзкий уродец, что жил в душе Алетт.

Однажды она ужинала с Роналдом, церковным сторожем. Тот был явно увлечен девушкой и непрерывно говорил ей комплименты:

– Мне нравится бывать с тобой, Алетт! Давай встречаться почаще!

– Согласна, – смущенно улыбнулась Алетт.

«Ни за что, болван стоеросовый! Гнусный слизняк! Только через мой труп!»

Она тут же опомнилась и испуганно вздрогнула.

Да что это с ней?

Ответа не было. Но самые мелкие обиды, причиненные окружающими, самые глупые недоразумения мгновенно приводили Алетт в бешенство. Как-то неосторожный водитель подрезал ее машину. Девушка заскрипела зубами, испытывая непреодолимое желание прикончить ублюдка, посмеявшегося так ее оскорбить. Мужчина высунулся, махнул рукой в знак извинения, и Алетт благосклонно улыбнулась, но ярость от этого не улеглась.

Когда черная туча вновь опускалась на Алетт, она изобретала всяческие казни и несчастья для ничего не подозревавших пешеходов. Сцены, которые она мысленно разыгрывала, были ужасающе реальными. Кровь лилась рекой, ото-

рванные конечности, отрубленные головы валялись на тротуарах, крики и стоны раздирали воздух и казались Алетт прекраснейшей музыкой. Но уже через несколько минут она приходила в себя и корчилась от стыда.

В светлые дни Алетт превращалась в совершенно иного человека – искреннего, доброго, сострадательного, всегда готового помочь людям. Но и тогда радость омрачалась сознанием того, что тьма снова придет, накроет ее и она утонет в ней, а когда-нибудь обязательно захлебнется.

Каждое воскресенье Алетт ходила в церковь, священник которой был широко известен своими образовательными и благотворительными программами. Здесь оказывали помощь бездомным, проводили факультативные занятия по искусству и обучали неграмотных. Алетт вела несколько классов воскресной школы и помогала в детском саду. Она старалась принимать участие во всех благих начинаниях и посвящала им почти все свободное время. Особенно она любила давать детям уроки живописи.

В это воскресенье церковь устраивала благотворительную ярмарку для сбора средств. Алетт принесла на продажу несколько своих работ. Пастор Фрэнк Селваджо с изумлением воззрился на картины.

– Это... Это просто потрясающе! Блестяще! Вам следовало бы выставить их в галерее.

Алетт залилась краской:

– Да нет, не стоит. Это просто хобби.

На ярмарке было полно народу. Прихожане привели своих друзей и родных, и возле игровых павильонов и лотков с товарами яблоку негде было упасть. Здесь торговали соблазнительными тортами, искусно сшитыми лоскутными покрывалами, домашними джемами в красивых горшочках, резными деревянными игрушками. Люди переходили от лотка к лотку, угощались сладостями и покупали совершенно ненужные им вещи.

– Ничего не поделаешь, все это в пользу бедных, – уговаривала какая-то женщина мужа.

Алетт в который раз оглядела картины, прислоненные к стенке киоска. В основном это были пейзажи в ярких сочных тонах, невольно приковывающие взгляд каждого зрителя. Но девушку переполняли сомнения и дурные предчувствия.

«Ты зря тратишь столько денег на краски, детка».

– Привет! – послышался темно-синий, очень приятный мужской голос.

Девушка обернулась. Незнакомый мужчина сосредоточенно рассматривал картины.

– Это вы нарисовали?

«Нет, кретин! Микеланджело спустился с неба и взял в руки кисть!»

– Вы очень талантливы.

– Благодарю вас.

«Что знают о таланте такие, как ты?!»

Рядом остановилась молодая пара.

– Ты только полюбуйся на эти краски! Настоящий вихрь! – восхищалась молодая женщина. – Послушай, я должна во что бы то ни стало заполучить этот пейзаж! Мисс, вы настоящий мастер!

И так продолжалось весь день, пока у Алетт не осталось ни одной картины. Люди, не скупясь, платили деньги и осыпали ее комплиментами. Ей очень хотелось поверить, но каждый раз темный занавес неизменно опускался, отсекая ее от всего мира.

«Господи, неужели они не понимают, что нагло обмануты? О какой красоте идет речь? Они просто издеваются надо мной!»

Среди празднующих оказался владелец художественной галереи. По достоинству оценив работы Алетт, он, как и все остальные, посоветовал выставлять их на продажу.

– Я всего лишь любитель, – возразила Алетт и наотрез отказалась продолжать разговор. К вечеру она собрала выручку, положила в конверт и вручила пастору Селваджо. Сумма оказалась так велика, что Фрэнк удивленно покачал головой.

– Благодарю вас, Алетт. У вас действительно редкостный дар. Что может быть лучше, чем нести людям радость и красоту?

«Ты слышишь, мама? Слышишь?»

Бывая в Сан-Франциско, Алетт подолгу бродила по за-

лам Музея современного искусства и Музея Де Янга, изучая коллекции американской живописи. Там она часто встречала молодых художников, увлеченно писавших копии знаменитых шедевров. По-видимому, это были студенты многочисленных художественных студий и школ. Как-то ее внимание привлек молодой человек лет тридцати, светловолосый и стройный, с мужественным умным лицом и пронизательным взглядом больших ясных глаз. «Петуны» Джорджии О'Киф его кисти казались едва ли не лучше оригинала. Заметив, что Алетт наблюдает за ним, художник вежливо кивнул:

– Привет.

Теплый, глубокий голос цвета гречишного меда.

– Здравствуйте, – робко пролепетала Алетт. Мужчина кивком показал на картину, над которой работал.

– Ну, как по-вашему?

– *Bellissimo!* Это действительно великолепно! – выпалила она и насторожилась, ожидая, что внутренний голос язвительно добавит: «Для жалкого любителя».

Но ничего подобного не случилось. Алетт удивленно моргнула.

– Это действительно великолепно, – тупо повторила она.

– Рад слышать, – улыбнулся молодой человек. – Кстати, меня зовут Ричард, Ричард Мелтон.

– Алетт Питерс.

– Вы часто сюда приходите?

– *Si.* Как только выдастся свободная минутка. Я живу не

в Сан-Франциско.

– Где же в таком случае?

– В Купертино.

Никаких «Это не твое собачье дело» или «К чему вам знать?» Просто «В Купертино». Что это с ней творится?

– Знаю. Милый маленький городок.

– Мне он тоже нравится.

Не «Какого черта вам кажется, что это милый маленький городок?» или «Что вам вообще известно о милых маленьких городках?», а всего лишь «Мне он тоже нравится». Чудеса!

Ричард встал и принялся складывать мольберт.

– Я проголодался. Вы позволите угостить вас ленчем? В кафе музея прекрасно кормят. Лучше, чем в любом ресторане.

Алетт почти не колебалась. Обычно она холодно отвечала, что не обедает с незнакомыми людьми или отделялась грубостью, но на этот раз с готовностью кивнула:

– *Va bene*. С удовольствием.

Такого с ней еще никогда не бывало. Воздух, казалось, пронизали тонкие золотые нити, в душе звучала неслышная для посторонних музыка, и мрак сменился безоблачной голубизной.

Они прекрасно провели время, и въедливый голос ни разу не дал о себе знать. Разговор зашел о великих мастерах

прошлого, и Алетт упомянула, что родилась в Риме.

– Я никогда не был в Италии, – с сожалением вздохнул Ричард. – Возможно, когда-нибудь...

Как было бы прекрасно гулять по Риму рука об руку с Ричардом!

К концу обеда Ричард случайно отвел глаза и заметил на противоположном конце зала своего товарища по комнате.

– Гэри! – окликнул он. – Не знал, что ты здесь будешь. Иди сюда, я тебя кое с кем познакомлю. Это Алетт Питерс. Гэри Кинг.

Похоже, Гэри и Ричард были ровесниками и даже чем-то походили друг на друга, если не считать того, что у Гэри были густые, пышные локоны, доходившие до плеч.

– Рада познакомиться, Гэри, – вежливо пробормотала девушка.

– Гэри – мой лучший друг еще со школы.

– Совершенно верно. Не представляете, сколько компромата у меня накопилось на этого типа за все годы, проведенные вместе, так что, если желаете узнать интересные подробности, я всегда готов...

– Гэри, ты никуда не спешишь?

– Ну вот, всегда так. Вечно мне рот затыкают, – пожаловался Гэри. – Алетт, не забывайте, я всегда буду рад выложить все, что знаю. Привет. Еще увидимся.

Дождавшись, пока друг отойдет, Ричард тихо спросил:

– Алетт, могу я снова вас увидеть?

– Конечно. Мне бы тоже хотелось этого.

«Очень хотелось бы. Ужасно».

В понедельник Алетт рассказала Тони о новом знакомом.

– Нашла с кем связываться! – фыркнула Тони. – С художником! Всю жизнь будешь питаться фруктами, купленными для натюрмортов. На большее просто денег не хватит! Они все нищие! Неужели всерьез собираешься с ним встречаться?

– Да, – улыбнулась Алетт. – Кажется, я ему понравилась, и он мне тоже. Это впервые в жизни, неужели не понимаешь?

Все началось с небольшого недоразумения и закончилось яростным спором, едва не перешедшим в настоящий скандал. После сорока лет беспорочной службы пастор Фрэнк решил удалиться на покой. Паства, обожавшая своего доброго священника, столько сделавшего для прихода, была в полном отчаянии. Под конец, после множества тайных совещаний и обсуждений, было решено сделать ему прощальный подарок. Часы... деньги... путешествие... картина... Картина! Он так любит искусство!

Собравшиеся одобрительно зашумели. И тут кому-то в голову пришла блестящая идея.

– Почему бы не нарисовать его портрет на фоне церкви? – воскликнул кто-то из присутствующих. – Алетт, может попробуете?

– Разумеется! – кивнула она, счастливо улыбаясь.

Но тут поднялся Уолтер Мэннинг, один из церковных старост, член приходского совета, известный своими щедрыми пожертвованиями. Он считался богатым, удачливым бизнесменом, имел прекрасную семью, не жаловался на здоровье, но, к сожалению, был крайне завистлив и терпеть не мог, когда его ближнему хоть в чем-то везло.

– Моя дочь прекрасно рисует, – бесцеремонно вмешался он. – Возможно, она согласится написать портрет.

– Устроим конкурс, – предложил Роналд, – и посмотрим, у кого лучше получится!

Собравшиеся горячо зааплодировали. Всем пришлась по душе идея церковного сторожа.

Алетт не выпускала из рук кистей и палитры. Пять дней она трудилась с утра до вечера, выпросив отпуск на работе, и сумела создать настоящий шедевр. С холста на зрителей смотрело само воплощение доброты и сострадания. Совсем как в жизни. Пастор Селваджо был истинным слугой Господним, призванным нести в мир справедливость и сочувствие к грешникам.

В следующую субботу прихожане снова собрались, чтобы взглянуть на портреты. Казалось, все голоса безоговорочно отданы плодам таланта Алетт.

– Совсем живой! Вот-вот сойдет с холста!

– О, ему, должно быть, ужасно понравится...

– Ему место в музее, Алетт...

Но тут Уолтер Мэннинг распаковал вторую картину. Добросовестная, чуть холодноватая работа. Несомненное сходство. Отсутствовал лишь огонь вдохновения, озарявший живопись Алетт.

– Очень мило, – тактично заметил один из прихожан, – но думаю, что Алетт...

– Совершенно верно...

– Я согласна...

– Алетт удалось схватить именно то...

Уолтер неодобрительно сжал губы:

– Решение должно быть единогласным, не так ли? – наконец процедил он. – Согласитесь, что моя дочь – профессиональная художница, а не дилетантка, как некоторые. Она сделала вам одолжение, согласившись участвовать в этом так называемом конкурсе. Вы не имеете права так оскорбить ее!

– Но, Уолтер...

– Нет уж, извините! Ничего и слышать не желаю. Либо будет по-моему, либо пастор останется без подарка.

У Алетт сжалось сердце. Ничего не поделаешь. Мэннинг имеет слишком большое влияние, и без его денег многим придется плохо.

– Мне очень нравится второй портрет, – решительно объявила она. – И не стоит ссориться. Давайте сделаем так, как желает мистер Мэннинг.

– Бьюсь об заклад, он будет куда как доволен, – сыто ух-

мыльнулся Мэннинг.

Этим же вечером, по дороге домой, Уолтер был сбит машиной, водитель которой трусливо умчался с места происшествия, оставив жертву истекать кровью. «Скорая» приехала слишком поздно.

Узнав о случившемся, Алетт горько зарыдала.

Глава 4

Эшли Паттерсон сегодня проспала, но, хотя и боялась опоздать на работу, все же решила наспех принять душ. Стоя под обжигающе горячими струями воды, упруго бьющими по телу, она неожиданно услышала сквозь мерный шум какой-то странный звук. Стук открывшейся или закрывшейся двери?

Она повернула кран и с бьющимся от страха сердцем прислушалась.

Тишина.

Нерешительно помедлив, она торопливо вытерлась и на цыпочках пробралась в спальню. Кажется, все в порядке. Нигде никого.

«Опять мое идиотское воображение. Нужно поскорее одеться и бежать».

Она шагнула к комоду, выдвинула ящик и замерла, невзвешенно уставившись на его содержимое. Кто-то рылся в ее белье. Лифчики и колготки небрежно свалены в одну кучу. В ящике царит полный хаос, а ведь она всегда аккуратно складывает свои вещи, не говоря уже о том, что хранит все по отдельности, в закрытых пакетиках.

К горлу вдруг подкатила тошнота. Желудок сжал судорогой. Неужели *он* растянул брюки, схватил ее колготки и стал о них тереться своим?.. И при этом воображал, что насилует жертву? Издевается, чтобы потом убить?

Эшли судорожно втянула в легкие воздух.

Следовало бы немедленно обратиться в полицию, но ведь там посмеются над ней.

«— Хотите, чтобы мы провели расследование только потому, что вы считаете, будто кто-то рылся в вашем комод?»

— Меня преследуют.

— Вы замечали за собой слезку? Видели кого-то?

— Нет.

— Вам угрожали?

— Нет.

— У вас есть враги? Знаете того, кто хотел бы расправиться с вами?

— Нет».

Бесполезно. Бесполезно и бессмысленно.

Эшли в отчаянии заломила руки. Она не может заявить полицейским ничего конкретного. Кончится тем, что они попросят ее и посчитают сумасшедшей. И будут правы.

Эшли с лихорадочной быстротой принялась натягивать первое, что попало под руку, стремясь поскорее убраться отсюда.

Нужно поискать другую квартиру и переехать, оставив неотвязный призрак с носом. Забиться в нору, где ее никто не сможет найти.

Но радость длилась недолго. Эшли вновь поникла. Откуда такое чувство, что все усилия бесполезны и дамоклов меч, все время висящий над головой, неумолимо рухнет вниз?

«Он знает, где я живу и работаю. А я? Что мне известно о нем? Абсолютно ничего».

Она никогда не имела оружия, потому что ненавидела насилие и все, что с ним связано. Но теперь... Теперь она нуждается в защите.

Эшли метнулась на кухню, схватила острый нож для разделки мяса, отнесла в спальню и положила в ящик прикроватной тумбочки.

«Может быть, я сама устроила беспорядок в комод и забыла об этом? Возможно... Или всего лишь стараюсь обмануть себя?»

Она спустилась в вестибюль и проверила почтовый ящик. Там оказалось письмо на ее имя с обратным адресом Бедфордской средней школы.

Эшли нервно разорвала конверт и пробежала глазами напечатанные на компьютере строчки. Ей пришлось перечитать их дважды, прежде чем удалось понять содержание.

«Встреча через десятилетие!

Богач, бедняк, нищий, вор, кем бы ты ни был! Неужели тебе не интересно, что случилось с твоими одноклассниками, как и ты, окончившими школу десять лет назад? Утешься, ты наконец получил шанс узнать все! Пятнадцатого июня состоится трогательное и грандиозное воссоединение некогда разлетевшихся по всей стране выпускников. В программе банкет,

выпивка, настоящий оркестр и танцы. Добро пожаловать!

Просим прислать письменное согласие на приезд, чтобы мы заранее знали, сколько человек ждать. Все с нетерпением предвкушают встречу с вами».

По дороге на работу Эшли не могла отделаться от мыслей о письме.

«Все с нетерпением предвкушают встречу с вами. Все, кроме Джима Клири, конечно».

Девушка горько усмехнулась и пожала плечами.

«Я хочу жениться на тебе. Дядя предложил мне работу в рекламном агентстве... Чикагский поезд отходит в семь утра... Ты поедешь со мной?..»

Снова эта мучительная боль. Боль бесплодного ожидания на вокзале. Боль утраченной веры. Боль поруганной любви. Он струсил! Отказался от нее, оставил одну дрожать на утреннем ветру. Не сумел защитить от Стивена.

«Ах, да забудь ты про все эти глупости. Ведь не вздумала же ты в самом деле ехать?»

В тот день Эшли обедала с Шейном Миллером. Беседа не клеилась: очевидно, настроение у обоих было не слишком подходящим для обмена любезностями.

– Ты чем-то расстроена? – спросил наконец Шейн.

– Прости, – буркнула Эшли, колеблясь между желанием признаться во всем и боязнью показаться смешной. Рассказать ему об утреннем случае? Но это чистойшей воды вздор.

Что она объяснит? Кто-то залез в ее комод? Бред собачий!

Вместо этого она неожиданно для себя сказала:

– Я получила приглашение на встречу выпускников моей школы.

– Поедешь?

– Конечно, нет! – негодуя воскликнула Эшли и осеклась. Она не ожидала от себя такого взрыва эмоций.

Шейн Миллер с любопытством воззрился на нее:

– Почему нет? Немного отдохнешь, отвлечешься. На таких встречах обычно дым стоит коромыслом!

А Джим? Захочет ли он приехать? Наверное, уже давно женат... отец семейства. Что он скажет при встрече? «Прости, я не смог прийти на вокзал? Мне очень жаль, но я вовсе не собирался жениться на тебе?»

– Я никуда не поеду.

Но Эшли, как ни старалась, не могла забыть о приглашении. Наверное, неплохо повидаться со старыми друзьями. Правда, таковых было не так уж много. Самой близкой подругой считалась Флоренс Шиффер. Интересно, что с ней случилось? И здорово ли изменился Бедфорд за время ее отсутствия?

Эшли Паттерсон выросла в Бедфорде, маленьком провинциальном городишке в двух часах езды от Питтсбурга. Кругом высились горы Аллеганы, принявшие его в свои надежные объятия. Отец Эшли в то время был главой Мемориаль-

ной больницы округа Бедфорд, одной из лучших в стране.

Эшли искренне считала, что лучшего города нет на свете. Столько парков и рощиц, в которых так чудесно устраивать пикники, полно ручьев и речек, где водится форель, и едва ли не каждую неделю праздники, балы и вечеринки! Эшли часто посещала Биг-Белли, где располагалась колония аманитов⁸. Как было весело разглядывать смирных лошадок, впряженных в легкие, ярко раскрашенные коляски аманитов, причем каждый цвет знаменовал место в иерархии того или иного члена общины.

В Бедфорде даже был свой любительский театрик и каждый год устраивался Праздник тыквы.

Эшли невольно улыбнулась при воспоминании о счастливых годах детства. Возможно, стоит еще раз побывать в Бедфорде. Вряд ли у Джима Клири хватит мужества показаться ей на глаза.

Шейн Миллер был единственным, кому Эшли рассказала о своем решении.

– Это всего неделя. Я вылечу в пятницу, а вернусь вечером в субботу, – пообещала она.

– Прекрасно. Сообщи номер рейса, я встречу тебя в аэропорту.

Вернувшись на работу, Эшли поднялась к себе и включи-

⁸ Секта американских менонитов.

ла компьютер. К ее удивлению, на экране начал разворачиваться сложный узор, складываясь в непонятный поначалу рисунок. Эшли недоуменно всматривалась в изображение, не понимая, что происходит. Точки складывались в ее портрет!

Под испуганным взглядом Эшли в верхней части экрана появилась рука с мясницким ножом. Потом рука стала приближаться к груди. Еще немного, и нож вонзится в нарисованную Эшли.

– Нет! – истерически взвизгнула она и, выключив монитор, вскочила.

– Эшли! Что с тобой? – встревожился Шейн, подбегая к ее столу.

– Там... На экране... – заикаясь, едва выговорила она.

Шейн снова нажал на кнопку и удивленно пожал плечами при виде котенка, гонявшего по зеленому газону клубок ниток.

– И что тут?.. – он развел руками.

– Оно... Оно исчезло... – охнула Эшли.

– Что исчезло? Что?

Эшли покачала головой.

– Ничего. Последнее время у меня не жизнь, а сплошной стресс. Прости, что обременяю тебя своими бедами!

– Почему бы тебе не поговорить с доктором Спикменом?

Эшли как-то встречалась с доктором Спикменом, психологом компании, нанятым специально, чтобы консультиро-

вать компьютерных специалистов, в самом деле постоянно находившихся в страшном напряжении. Правда, он не врач, зато умен, образован и всегда готов тебя понять. Действительно, неплохо бы открыть кому-то, что лежит у тебя на душе.

– Ты прав, – кивнула Эшли.

Сорокавосьмилетний Бен Спикмен был здесь самым старшим, настоящим патриархом среди зеленых юнцов. Его кабинет казался истинным оазисом спокойствия и уюта. Здесь можно было на несколько минут забыть о своих неприятностях. К тому же его приемная располагалась в самом конце здания, подальше от любопытных глаз.

– Прошлой ночью я видела страшный сон, – начала Эшли. – Она закрыла глаза и вздрогнула, воскрешая в памяти пережитый ужас. – Я бежала, сама не зная куда, и очутилась в большом саду, полном цветов... Только у них были человеческие лица... гадкие... уродливые... Они что-то кричали, и я не могла расслышать ни единого слова. Просто мчалась куда-то... И дальше не помню.

Она осеклась и открыла глаза.

– Может, все не так? Вы старались скрыться? Кто-то гнался за вами?

– Не знаю. По-моему, меня преследуют наяву, доктор Спикмен. Понимаю, это кажется безумием, но... Думаю, меня хотят убить.

Спикмен пристально всмотрелся в Эшли.

– Кто именно?

– Не... не знаю.

– Вы видели преследователя?

– Нет.

– Вы живете одна, не так ли?

– Верно.

– Встречаетесь с кем-нибудь? Я имею в виду... есть ли у вас интимный друг?

– Нет. Сейчас нет.

– Значит, прошло какое-то время с тех пор, как вы... Понимаете, бывает, что, когда в жизни женщины давно нет мужчин... постепенно накапливается чисто физическое напряжение, и от этого бывают...

«Господи, он пытается объяснить, что я нуждаюсь в хорошем...»

Эшли не смогла заставить себя сказать *это* слово. Как же орал на нее отец!

«Не смей произносить такое! Люди подумают, что ты грязная потаскуха! Порядочные люди не говорят «трахаться». Где ты только подбираешь подобные выражения!»

– Я считаю, что вы слишком много работаете, Эшли. Вряд ли у вас есть причины для беспокойства. Повторяю, это всего-навсего чрезмерная нервная нагрузка. Постарайтесь побольше отдыхать. Не берите в голову.

– Попытаюсь.

Шейн Миллер дожидался ее у дверей кабинета:

– Что сказал доктор Спикмен?

Эшли удалось выдавить улыбку:

– Утверждает, что все в порядке. Я слишком много работаю.

– Нужно что-то предпринять, – озабоченно пробормотал Шейн. – И для начала, почему бы тебе не взять сегодня отгул?

– Спасибо, дорогой, – с улыбкой кивнула Эшли.

Он такой милый. Добрый и преданный. Настоящий друг.

Шейн не может быть *тем*. Не может!

Всю следующую неделю она не могла думать ни о чем, кроме встречи выпускников.

«Может, мое решение поехать – ошибка, которая мне дорого обойдется? Что, если Джим Клири все-таки явится? Сознает ли он, как жестоко ранил меня? Или ему все равно? И он вообще забыл мое имя?»

Ночью, накануне отлета в Бедфорд, Эшли не могла уснуть. Она боролась с желанием все отменить и остаться дома.

«Я, кажется, окончательно спятила. Прошлое есть прошлое, и нечего дурию маяться. Что тебе до Джима и Джиму до тебя? У каждого своя жизнь».

Получив билет, Эшли мельком взглянула и протянула билет кассиру:

– Боюсь, вы что-то напутали. Я лечу туристским классом, а это билет первого.

– Да, но ведь вы сами просили поменять его.

– Что? – ошарашенно переспросила Эшли.

– Вы звонили и попросили поменять билет, – повторил кассир, показывая Эшли листок бумаги. – Это номер вашей кредитной карты?

– Д-да, – медленно протянула Эшли. Она и не думала никому звонить.

Эшли приехала в Бедфорд рано утром и поселилась в гостинице курорта «Бедфорд-Спрингз». Веселье должно было начаться не раньше шести, и в оставшееся время она решила осмотреть город. Выйдя на улицу, она остановила такси.

– Куда прикажете, мисс?

– Провезите меня по улицам.

Она всегда считала, что, когда возвращаешься в родной город после долгой разлуки, все кажется меньше размером и словно бы постаревшим, но, на взгляд Эшли, Бедфорд разросся и стал куда красивее, чем десять лет назад. Такси колесило по знакомым местам. Они миновали здание «Бедфорд газетт», телестудию, дюжину знакомых ресторанчиков и художественных галерей. Тут все по-прежнему! А вот и музей Форта Бедфорд и Мемориальная больница – изящный трехэтажный дом с портиком. Именно здесь к отцу пришла мировая слава. Почему же в памяти живы ужасные, отвратительные скандалы между родителями? Они постоянно ссорились по одной и той же причине. Какой же? Теперь никак

не вспомнить.

К пяти часам Эшли вернулась в отель. Пришлось переодеваться три раза, прежде чем она наконец остановилась на простом черном платье элегантного покроя. Пусть считают, что у нее все хорошо.

Ровно в шесть она вошла в празднично украшенный актовый зал бедфордской школы, и ее сразу же обступила толпа смутно знакомых людей. Некоторые одноклассники почти не изменились, остальных же было почти невозможно узнать. Но Эшли искала глазами только одно лицо. Лицо Джима Клири. «Каким он стал? Неужели приведет с собой жену?»

Девушку то и дело окликали:

– Эшли, помнишь меня? Я Трент Уотерсон. Потрясно выглядишь.

– Спасибо. И ты тоже.

– Познакомься с моей половиной.

– Эшли, неужели это ты?

– Я. Э-э-э...

– Арт Дэвис. Забыла?

– Нет, что ты?

«Как он плохо одет! И держится неловко, явно чувствует себя не в своей тарелке».

– Как поживаешь, Арт?

– Знаешь, мечтал быть инженером, да ничего не вышло.

– Жаль.

– Ничего не попишешь, пришлось стать механиком.

– Эшли, я Ленни Холланд. Боже, да ты настоящая красавица!

– Благодарю, Ленни.

«Ужасно растолстел и носит на мизинце огромную печатку с бриллиантом».

– Занялся недвижимостью, и дела идут неплохо. Ты все еще не замужем?

Эшли немного поколебалась, прежде чем отрицательно качнуть головой.

– Помнишь Ники Бранд? Мы поженились. И у нас близнецы. Такие озорники, не представляешь...

– Поздравляю.

«Поразительно, что может произойти с людьми за десять лет! Поправились... похудели... процветают... бедствуют... Женятся... разводятся... стали родителями... бездетные...»

Эшли делала вид, что веселится, с аппетитом ела, много танцевала, участливо расспрашивала бывших приятелей о жизни, но в голове билась единственная мысль: где же Джим Клири? Так и не пришел? Побоялся? Знал, что она будет, и не посмел взглянуть ей в глаза?

Высокая привлекательная женщина неожиданно бросилась к ней с распростертыми объятиями:

– Эшли! Я так надеялась, что увижу тебя!

Флоренс Шиффер! Эшли искренне обрадовалась встрече.

Как она, оказывается, соскучилась по Флоренс!

Женщины нашли незанятый столик в углу, устроились и обменялись растроганными взглядами.

– Ты очень красивая, Флоренс! – искренне воскликнула у Эшли.

– А ты! Просто глазам больно! Жаль, что я опоздала. Малышка что-то куксится. Боюсь, заболит. Я за это время успела выйти замуж и развестись. Теперь ищу прекрасного принца. А как насчет тебя? Ты так внезапно исчезла после выпускного бала. Я пыталась разыскать тебя, но оказалось, что ты покинула город. Почему так поспешно?

– Улетела в Лондон, – пояснила Эшли. – Отец зачислил меня в колледж, и нужно было успеть к началу занятий.

– Не представляешь, чего я только не делала, чтобы связаться с тобой! Детективы почему-то считали, что я должна точно знать, где ты. А ты им понадобилась потому, что встречалась с Джимом Клири и...

– Де-тек-тивы? – медленно протянула Эшли.

– Ну да. Те, кто расследовал убийство.

Эшли почувствовала, как отливает от лица кровь и холодеют руки.

– Какое... убийство?

Флоренс ошеломленно уставилась на подругу:

– Мой бог! Так ты не знаешь?!

– Что?! Что я должна знать? – истерически вскрикнула Эшли. – Да что ты тянешь? Говори же!

– На следующий день после бала родители Джима вернулись домой и обнаружили его тело. Его зверски зарезали и... кастрировали.

Комната бешено завертелась. Эшли вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Флоренс схватила ее за руку.

– Прости... прости, Эшли. Я думала, ты еще тогда прочла обо всем, но...

Эшли зажмурилась что было сил. Но ничего не помогало. В глазах стояло видение одинокой девичьей фигурки, пробиравшейся по темным улицам к дому Джима Клири. Но, как всегда, проклятое благоразумие взяло верх. Она струсила и повернула домой.

Если бы только она осмелилась тогда прийти к любимому, он был бы жив. Какой страшный грех – ведь все эти годы она ненавидела его. Кто же мог поднять на него руку? Кто?!

И снова разъяренный вопль отца: «Держи свои грязные лапы подальше от моей дочери! Если увижу твою рожу еще раз, все кости переломаю!»

Эшли торопливо поднялась:

– Извини, Флоренс, я что-то неважно себя чувствую.

И метнулась к выходу с таким видом, словно за ней гнался сам дьявол.

«Детективы. Они наверняка приходили к отцу. Почему он ничего не написал? Не хотел волновать? Не придал трагедии

значения? Или... или боялся? Чего именно?»

Первым же рейсом она вылетела в Калифорнию и, добравшись до дома, уснула лишь под утро. Снова безумный кошмар навалился на нее. Какая-то темная фигура принялась душить Джима, а потом и наносить удары ножом. Кровь растекалась по полу, поднималась все выше, грозя утопить Эшли. И крики. Невыносимо мучительные крики жертвы и торжествующий хохот убийцы. Наконец неизвестный выступил на свет. На Эшли смотрели глаза отца.

Глава 5

Последующие месяцы слились в памяти Эшли в один бесконечный, исполненный тоски и муки день. Она не жила, а выживала. Старалась съежиться в незаметный комочек и переждать, пока не уляжется ураган. Вид изуродованного, садистски искалеченного тела Джима Клири преследовал ее. Сначала она решила было еще раз посетить доктора Спикмена, но поняла, что никому не посмеет открыть душу. Признаться в страшных подозрениях, разъедавших ее волю и мужество словно кислотой? Только последняя негодяйка способна подумать такое об отце. Разве Стивен способен на преступление?

Она пыталась прогнать неотвязные мысли и заняться работой. Бесполезно.

Она взглянула на экран. Ну вот, так и есть, логотип в очередной раз испорчен. Эшли поморщилась. Подошел Шейн. Взгляд пристальный и встревоженный:

– С тобой все в порядке, Эшли?

Она с трудом выдавила улыбку:

– В полном, дорогой.

– Все еще не можешь забыть своего друга?

Шейн был единственным, кому Эшли рассказала о гибели Джима.

– Я... Со временем пройдет.

– Как насчет того, чтобы поужинать сегодня?

– Спасибо, Шейн, я... Мне не до того. Лучше на следующей неделе.

– Заметано. Если я чем-то могу помочь...

– Знаю. Шейн, на тебя всегда можно положиться, только здесь уже ничем не поможешь.

– Смотри, мисс Тошя Задница чем-то расстроена, – прошептала Тони. – Так ей и надо, сучонке!

– А мне ее *dispiace*... то есть жаль, – возразила Алетт. – Кажется, у нее неприятности.

– Да пропади она пропадом. Можно подумать, у нас своих проблем нет!

Наконец-то закончилась еще одна неделя. Впереди уик-энд, и можно провести его дома, в постели, с книжкой в руках!

В пятницу вечером Эшли поднялась из-за стола и направилась было к выходу, но дорогу загородил Деннис Тиббл.

– Эй, беби, хочешь свалить, не поговорив со мной? У тебя что, зуб на меня вырос? А я-то надеялся, что ты согласишься сделать мне маленькое одолжение.

– Извини, Деннис, я...

– Да брось! Все о'кей! Держи хвост пистолетом!

И, схватив Эшли за руку, нагло заявил:

– Мне нужен совет умной бабы. Такой, как ты.

– Деннис, у меня нет настроения.

– Слушай, я влюбился в одну чувиху и хочу жениться, но появились некоторые заморочки. Не знаю, как и быть. Поможешь? Ну, что тебе стоит?

Эшли нерешительно огляделась. Она не питала особой симпатии к Деннису, но нельзя же отталкивать человека, обратившегося к тебе за помощью!

– А это не может подождать до завтра?

– Поверишь, никак! Дело срочное.

– Хорошо, – со вздохом согласилась Эшли.

– Ну что, завалимся к тебе?

– Не стоит.

«Рассядется еще, попробуй его выгони!»

– В таком случае заглянем ко мне.

Эшли, немного подумав, неохотно кивнула.

По крайней мере она уйдет, когда захочет. И если даст ему хороший совет, возможно, он переключится на другую и оставит Эшли в покое.

– Ну и ну! – ухмыльнулась Тони. – Она совсем тронулась! Ханжа чертова! Теперь потащится домой к этому ублюдку. Да у нее окончательно крыша поехала! Поверить не могу, что она настолько глупа! Вот уж точно, две извилины в голове!

– Она честно хочет ему помочь. Что тут плохого?

– Брось, Алетт! Когда ты поумнееешь? Давно пора повзрослеть. Этой твари не терпится вставить ей пистон!

– Неужели она настолько наивна?

– Именно! Лучше не скажешь!

Жилье Тиббла походило на берлогу современного вампира: стены увешаны постерами из старых фильмов ужасов попеременно с вырезанными из журналов снимками обнаженных моделей и хищных зверей. Столы были заставлены крохотными деревянными скульптурками, изображавшими мужчин, женщин и животных в непристойных позах.

«Настоящая обитель безумца», – подумала Эшли, с отвращением оглядываясь. Ей не терпелось поскорее отсюда выбраться.

– Беби, я чертовски рад, что ты согласилась прийти. Буду у тебя в вечном долгу, если...

– Я ненадолго, Деннис, – перебила Эшли. – Рассказывай поскорее, у меня мало времени. Кто эта женщина?

– Поверь, это что-то! – плотоядно облизнулся Деннис, протягивая ей пачку сигарет. – Хочешь?

– Я не курю.

– Как насчет выпивки?

Тиббл щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

– И не пью.

– Не куришь, не пьешь, – хохотнул Деннис. – Настоящее сокровище. Что же нам остается? Самое интересное? Да, детка?

– Деннис, если ты не перейдешь к делу... – угрожающе

начала Эшли.

– Шучу! Шучу!

Деннис умиротворяюще поднял руки, подошел к бару и налил в бокалы вина.

– Может, все-таки попробуешь? Что тебе сделается от одного глоточка?

Он вручил ей бокал. Эшли чуть пригубила.

– Рассказывай о мисс Совершенстве.

Деннис устроился на диване рядом с Эшли.

– Поверишь, в жизни не встречал ничего подобного! Такая же секси, как ты, и в постели...

– Немедленно прекрати, или я ухожу!

– Зайка, нечего спускать на меня собак! Я думал сделать комплимент, а ты... Ладно, короче говоря, она втрескалась в меня по уши, но ее предки слышать ничего не хотят. Пони-маешь, отец – важная шишка и запретил мне пудрить мозги его доченьке.

Эшли молча слушала.

– Видишь, в чем штука: если я надавлю, она выскочит за меня, но ее «шнурки» встанут на дыбы. Не видать нам тогда ни цента из папашиных бабок. Значит, когда-нибудь она на-верняка свалит всю вину на меня. С другой стороны, как же нам быть? Понятно, в чем беда?

Эшли сделала еще глоток.

– Разумеется. Я...

И тут все застлало пеленой.

Эшли медленно приходила в себя, смутно сознавая, что случилось нечто ужасное. Голова была тяжелая как свинец. Ее чем-то опоили!

Потребовалось сверхчеловеческое усилие, чтобы открыть глаза. Ухитрившись наконец осмотреть комнату, Эшли оцепенела. Она лежала совершенно голая в неряшливом гостиничном номере.

Хватаясь руками за спинку кровати, она умудрилась встать. Голова кружилась, в висках стучало. Куда это ее занесло? И каким образом она оказалась в этой дыре?

Но тут Эшли увидела валявшееся на тумбочке меню гостиничного ресторана и, преодолевая боль, взгляделась в обложку. «Чикаго Луп отель»?!

Эшли еще раз перечитала слова, аляповато намалеванные красной краской.

Чикаго? Что она делает в Чикаго? В пятницу она согласилась зайти к Деннису Тибблу. Почему же не помнит, как ушла оттуда и что делала потом? Какой сегодня день?

Вне себя от беспокойства она подняла трубку и набрала номер.

– Чем могу помочь, мисс?

– Какой... какой сегодня день? – едва выговорила, почти не ворочая языком.

– Семнадцатое...

– Нет, я имею в виду, какой день недели?

– Понедельник, а в чем...

Эшли бросила трубку, словно обжегшись. Понедельник! Каким-то образом из жизни выпали два дня и две ночи.

Она рухнула на постель, стараясь припомнить, что случилось. Да... она была в гостях у Тиббла, и тот уговорил ее выпить вина и дальше... Дальше – пустота.

Должно быть, ублюдок подсыпал что-то в вино, какую-то пакость, от которой она лишилась памяти. Газеты постоянно кричали о подобных историях. Мерзкое снадобье называли «наркотиком насилия». Не одна доверчивая дурочка пала жертвой подлецов, подобных Тибблу. И среди них – она, Эшли Паттерсон. Все эти разговоры насчет советов и страстной любви оказались не слишком хитрой западней.

Она совершенно не помнила, как летела в Чикаго вместе с Тибблом и кто снимал этот убогий номер. И хуже всего – не имела ни малейшего представления, что тут произошло.

«Сейчас самое главное – поскорее добраться домой!»

Эшли брезгливо поморщилась. Она сама себе казалась нечистой. Казалось, ее вываляли в грязи, осквернили каждый дюйм тела. Что он сделал с ней?

Уговаривая себя успокоиться, она вошла в крохотную ванную, включила душ и встала под воду. Теплые капли струились по коже, смывая все омерзительные гадости, которые он проделывал с ней. А что, если она забеременеет? При мысли о том, что от этого подонка может родиться ребенок, Эшли затошнило. Рвотные спазмы долго сотрясали

ее, но, очевидно, все это время во рту не было ни крошки: Эшли начало выворачивать желчью. Кое-как справившись с этим и прополоскав рот, она накинула полотенце и подошла к шкафу. Ее одежда куда-то делась. На вешалках болтались черная кожаная мини-юбка и дешевый топ-«лапша». Внизу стояли туфли-лодочки с высоченными каблуками. В нормальных обстоятельствах Эшли в голову бы не пришло надеть что-то подобное, но сейчас выбора не было.

Она натянула чужие вещи и посмотрелась в зеркало. Настоящая панельная девка! Хорошо еще сумочка осталась!

Эшли порылась в кошельке. Всего сорок долларов! Но, слава богу, чековая книжка и кредитная карточка на месте!

Она выглянула в коридор. Никого. Эшли спустилась на лифте в грязноватый вестибюль, подошла к стойке и предъявила пожилому портье кредитную карточку.

– Уже покидаете нас? – ухмыльнулся он. – Жаль! Зато неплохо время провели, верно, лапушка?

Эшли воззрилась на него, гадая, что он имеет в виду, и боясь спросить. Ее так и подмывало узнать, выписался ли Деннис, но, пожалуй, не стоило будить спящую собаку.

Портье сунул ее карточку в POS-терминал⁹, нахмурился и повторил процедуру.

– Прошу прощения, на вашем счету ничего нет. Вы превысили лимит.

Эшли потрясенно открыла рот. Кошмар продолжается.

⁹ Устройство для проверки платежеспособности кредитных карточек.

– Не может быть! Тут какая-то ошибка.

Портье пожал плечами:

– У вас есть еще кредитные карточки?

– Н-нет. Надеюсь, вы берете чеки?

Мужчина с явным неодобрением оглядел ее вызывающий наряд.

– Иногда. Если у вас имеется какое-нибудь удостоверение, конечно.

– Здесь есть откуда позвонить?

– Телефон за углом.

– Мемориальная больница Сан-Франциско.

– Можно попросить доктора Паттерсона?

– Минутку, пожалуйста...

– Кабинет доктора Паттерсона.

– Сара? Это Эшли. Мне нужно срочно поговорить с отцом.

– Прошу прощения, мисс Паттерсон, но он в операционной и...

Эшли судорожно сжала трубку.

– Не знаете, сколько он там пробудет?

– Трудно сказать. На сегодня назначена еще одна операция.

Эшли из последних сил боролась с подступавшей истерикой. Злые слезы жгли глаза, руки дрожали. Еще немного – и она упадет на пол и забьется в припадке.

– Послушайте, Сара, у меня неотложное дело. Пожалуйста, передайте, что я жду его звонка. Я буду ждать здесь, пока он не откликнется.

Она медленно продиктовала медсестре номер телефона и, убедившись, что та все записала, повесила трубку.

Эшли просидела в вестибюле больше часа, натянутая как струна, мысленно умоляя отца поторопиться. Проходившие мимо люди удивленно поглядывали на нее, а некоторые мужчины откровенно глазели и многозначительно подмигивали. Она чувствовала себя выставленной напоказ дешевой и не знала, куда деваться от их любопытства. Когда наконец раздался пронзительный звонок, девушка вздрогнула от неожиданности и бросилась к телефону.

– Алло?

– Эшли?

– Да, папа, я...

– Что случилось?

– Я в Чикаго и...

– Что ты там делаешь?

– Потом все объясню. Мне нужен билет на самолет до Сан-Франциско. Я осталась без денег. Ты одолжишь мне?

– Разумеется. Не вешай трубку.

На этот раз пришлось ждать всего несколько минут.

– В десять сорок из аэропорта О'Хара вылетает самолет «Американ Эйрлайнз». Рейс четыреста семь. У регистратора

будет билет на твое имя. Я встречу тебя в аэропорту Сан-Хосе и...

– Нет! – почти взвизгнула Эшли. Она не может допустить, чтобы отец узрел ее в таком виде! – Я... сначала мне нужно поехать домой переодеться.

– Так и быть, встретимся за ужином. Тогда все и расскажешь.

– Спасибо, папа. Огромное спасибо. Не знаю, что я бы делала без тебя.

Всю обратную дорогу Эшли думала о Тиббле и той пакости, что он посмел с ней сделать. Остается одно – обратиться в полицию. Нельзя, чтобы он вышел сухим из воды. Ему это с рук не сойдет! Сколько еще несчастных попало в ловушку, устроенную этим подлецом?

Переступив порог своей квартиры, Эшли с облегчением вздохнула. Впервые за все это время она почувствовала себя в безопасности. Вот оно, ее убежище от окружающего мира. Теперь остается лишь избавиться от этих отрепьев. Она с отвращением сорвала с себя проституточки доспехи и направилась в ванную. Не мешает еще раз принять душ перед встречей с отцом.

Девушка немного расслабилась, но, не дойдя до двери ванной, замерла как вкопанная. На туалетном столике валялся сожженный почти до фильтра сигаретный окурочок.

Они сидели за угловым столиком в ресторане «Оукс». Отец, недоуменно хмурясь, разглядывал Эшли.

– Так что ты делала в Чикаго?

– Я... не знаю.

– Не знаешь? – удивился отец.

Эшли закусила губу, пытаясь решить, стоит ли рассказывать ему правду. Возможно, отец сумеет найти выход из этой паутины лжи и предательства.

– Видишь ли, – нехотя начала она, – Деннис Тиббл пригласил меня к себе под тем предлогом, что...

– Деннис Тиббл? Эта гадина?

Как-то Эшли познакомила отца со своими сослуживцами, и он с первого взгляда воспылал неукротимой ненавистью к Тибблу.

– Что у тебя может быть общего с подобным типом?

Эшли мгновенно поняла, какую ошибку сделала. Отец чересчур ревностно относится к ней и всеми силами старается уберечь от мужчин. Если он узнает, что сотворил Тиббл, тому просто не жить.

«Если я когда-нибудь увижу твою рожу... переломаю все кости...»

– Это пустяки, – поспешно заверила она.

– Я хочу знать, что случилось, – настаивал Стивен.

Эшли долго сидела не шевелясь, стараясь побороть дурные предчувствия. Что сейчас начнется!

– Понимаешь, я немного выпила и...

По мере изложения событий лицо Стивена все больше мрачнело. Глаза сверкнули бешеной яростью. Эшли заговорила быстрее, стараясь пропускать наиболее неприятные подробности.

– Нет, – повторил отец, – не спеши. Я хочу знать все.

Этой ночью она лежала, глядя в потолок, не в силах заснуть.

«Если вся история выплывет наружу, мне несдобровать. Стану всеобщим посмешищем. Все будут злорадствовать, насмехаться... Но молчать нельзя! Нужно идти в полицию».

Окружающие давно предостерегали Эшли, что Деннис на ней помешался, но она все пропускала мимо ушей. Слепая идиотка! Теперь, оглядываясь назад, она вспоминала, как настораживался Деннис, когда с ней кто-то заговаривал, как постоянно пытался назначать свидания и вечно подслушивал...

Но по крайней мере теперь она знает, кто преследовал ее.

В половине девятого, когда Эшли собиралась на работу, зазвонил телефон. Она подняла трубку:

– Алло?

– Эшли, это Шейн. Полиция только сейчас обнаружила тело Денниса Тиббла.

Земля покачнулась под ногами девушки.

– О боже! Что случилось?

– По словам шерифа, кто-то прирезал его, а потом кастрировал.

Глава 6

Помощнику шерифа Сэму Блейку нелегко досталась его должность в полицейском участке Купертино. Для этого ему пришлось жениться на сестре шерифа Серине Даулинг, сварливой ведьме с языком как бритва, неуживчивой и злобной истеричке, готовой по любому пустяку закатить скандал. Сэм оказался единственным, кто был способен выносить такую стерву, как Серина. Этот добродушный, спокойный, крайне смирный коротышка вполне был достоин причисления к лику святых уже хотя бы потому, что жил с такой мегерой. Обычно он терпеливо выжидал, пока Серина успокоится, и только тогда пытался что-то объяснить. И, как ни странно, иногда добивался своего.

Блейк стал полицейским, потому что шериф Мэтт Даулинг был его лучшим другом. Они выросли в одном городе, вместе ходили в школу и с детства были неразлучны. Из Блейка получился настоящий полицейский. Он искренне любил свою работу и не мыслил себя в ином качестве. Несмотря на скромную внешность, он обладал пытливым умом и упрямством бульдога. Столь редкое сочетание делало его лучшим детективом в округе.

Этим утром Сэм Блейк и шериф Даулинг, пользуясь временным затишьем, пили кофе.

– Я слышал, вчера моя сестрица опять устроила сцену? Все соседи звонили, жаловались на шум. Говорят, она выла не хуже полицейской сирены. Ну и баба!

– Мне все-таки удалось ее утихомирить, – пожал плечами Сэм.

– Слава создателю, мне больше не приходится жить с ней в одном доме. Не понимаю, что на нее находит. Истеричка проклятая...

Дружескую беседу прервал патрульный:

– Шериф, только сейчас позвонили по 911. На Саннивейл-авеню произошло убийство.

Шериф вопросительно взглянул на приятеля.

– Иду, – кивнул Сэми.

Четверть часа спустя Блейк входил в квартиру Денниса Тиббла. Второй патрульный, стоя в гостиной, беседовал с управляющим.

– Где тело? – спросил Блейк.

Патрульный кивнул на дверь спальни.

– Там, сэр.

Молодой полицейский был бледен как смерть.

Блейк переступил порог и окаменел от неожиданности. Такое даже в страшных снах не привидится! На кровати был распростерт обнаженный труп, и Сэму показалось, что вся комната утопает в крови. Шагнув к кровати, он увидел, откуда сочится багровый ручеек. Спину жертвы кто-то со звер-

ской жестокостью истыкал горлышком разбитой бутылки, так что в бесчисленных ранах блестели осколки стекла. В довершение всего беднягу еще и оскопили. Рядом валялись истерзанные лохмотья человеческой плоти.

При виде ужасной картины Блейк ощутил острую боль в паху.

– Кто же, черт возьми, способен на такой кошмар? – громко спросил он в пустоту.

Оружия нигде не было видно. Возможно, обнаружится при обыске.

Помощник шерифа отвернулся и вышел в гостиную.

– Вы знали погибшего? – спросил он управляющего.

– Да. Это его квартира.

– Как его зовут?

– Тиббл. Деннис Тиббл.

Блейк записал ответы управляющего.

– Как долго он жил здесь?

– Почти три года.

– Что можете рассказать о нем?

– Не слишком много, сэр. Тиббл был человеком скрытным, почти никого к себе не водил, если не считать женщин, и то не часто. В основном шлюх. И всегда платил за квартиру вовремя.

– Знаете, где он работал?

– Разумеется. В «Глоубл графикс корпорейшн». Один из этих компьютерных психов, которые ничего кругом не ви-

дят, кроме своих мониторов.

– Кто нашел тело?

– Одна из горничных, Мария. Вчера был выходной, так что она явилась только утром.

– Я хочу поговорить с ней.

– Да, сэр. Сейчас позову.

Мария оказалась смуглой полной бразильянской, до смерти перепуганной.

– Вы обнаружили труп, Мария?

– Это не я, не я, клянусь, не я это сделала! – истерически вскрикнула женщина. – Мне нужен адвокат?

– Нет, никаких адвокатов. Просто опишите, что увидели.

– Ничего. То есть... Я пришла убраться, как всегда по утрам. И... и ничего не заметила... Думала, его нет. Он обычно уходит к семи. Я привела в порядок гостиную и...

«Черт!»

– Мария, вы не помните, как выглядела гостиная до уборки?

– Не понимаю.

– Вы что-нибудь передвигали? Уносили?

– Ну да. На полу валялась разбитая бутылка. Вся липкая...

– Что вы с ней сделали? – перебил Блейк.

– Положила в мусороуплотнитель и раздавила.

– А потом?

– Помыла пепельницу и...

– В ней были окурки?

Мария нахмурилась, мучительно стараясь припомнить.

– Один. Я выбросила его в мусорное ведро на кухне.

– Пойдемте посмотрим.

Он последовал за горничной на кухню. Мария вытащила ведро. В нем лежал окурочок со следами губной помады. Помощник шерифа осторожно спрятал его в прозрачный пакетик и вместе с Марией вернулся в гостиную.

– Мария, скажите, из квартиры ничего не пропало? Может быть, какие-то ценности?

Женщина осмотрелась:

– Кажется, нет. Мистер Тиббл любил собирать эти маленькие штучки. Тратил на них ужасно много денег. Но, похоже, все на месте.

«Значит, это не ограбление. Но был же у преступника какой-то мотив... Какой именно? Наркотики? Месть? Ревность?»

– Хорошо, Мария, вы стерли здесь пыль, а что потом?

– Пропылесосила, как обычно, и...

Голос женщины дрогнул.

– Вошла в спальню, и тут он... Он... лежит.

Она снова сжалась от страха и умоляюще прошептала:

– Вы не посадите меня в тюрьму? Клянусь, клянусь, это не я. Пожалуйста!

За окнами послышался скрежет тормозов. Прибыли коро-

нер¹⁰ и его помощник в фургоне для перевозки трупов.

Часа через три помощник шерифа вернулся в участок.

– Что удалось накопать, Сэм? – осведомился шериф.

– Не слишком много, – развел руками Блейк, тяжело плюхнувшись в потертое кресло. – Деннис Тиббл работал в «Глоубл». Если верить сослуживцам, считался кем-то вроде гения. Волшебник во всем, что касается компьютеров. Человечиска, правда, не очень, но в своем деле король.

– Не такой уж гений, если дал подловить себя врасплох и убить.

– Ошибаешься, Мэтт, он был не просто убит, а зарезан. Как бык на бойне. Повезло тебе, что не увидел, как его разделили. Должно быть, орудовал настоящий маньяк.

– И никаких улик?

– Пока трудно сказать. Прежде всего еще не определено орудие убийства. Ждем результатов из лаборатории. Вполне возможно, им окажется разбитая винная бутылка. Беда в том, что горничная бросила ее в мусороуплотнитель. Похоже, на одном из осколков, застрявших в ране, сохранился отпечаток пальца. Я потолковал с соседями. Глухо. Никто ничего не видел и не слышал. Очевидно, Тиббл ни с кем не общался. Настоящий рак-отшельник. Правда, кое-что удалось выяснить. Перед смертью Тиббл имел половые сношения с неизвестной женщиной. Мы нашли следы вагинальных вы-

¹⁰ Следователь, ведущий дознание в случае насильственной смерти.

делений, лобковые волосы, пятна спермы и сигаретный окурок со следами губной помады. Проведем тест на ДНК.

– Представляю, какой праздник у папарацци! Должно быть, на ушах стоят! Как же, очередная сенсация! Можно сказать, сплошной «Кошмар на улице Вязов»! Давненько такого не бывало! У них просто слюнки текут, у поганцев этаких! Представляю эти заголовки на полстраницы: «МАНЬЯК НАНОСИТ УДАР! КРЕМНИЕВАЯ ДОЛИНА ОХВАЧЕНА УЖАСОМ!»

Шериф Даулинг досадливо сплюнул.

– Как бы поскорее разделаться с этим дельцем? Иначе нам с тобой каюк. Если не сожрет живьем начальство, достанут вшивые репортеришки.

– Я немедленно еду в «Глоубл».

Эшли долго раздумывала, уместно ли появляться сегодня на работе. Стоит ли давать повод для подозрений? Или выхода так и так нет?

Достаточно лишь взглянуть на нее, и каждый поймет: что-то неладно. Но если она не покажется, босс захочет узнать, что случилось. Наверняка полицейские уже там и всех допрашивают. Она совершенно не умеет лгать. Но если даже скажет правду, кто поверит? Сразу же обвинят в убийстве Тиббла. А если поверят... Нет, будет еще хуже. Придется сказать, что она во всем призналась отцу, и тогда его сразу арестуют...

А Джим? Джим Клири? Он умер той же ужасной смертью. Деннис был грязной сволочью, насильником и мразью, но Джим? В чем вина Джима? Принять такую мученическую смерть, и за что?! А ведь отец все знал и счел за лучшее промолчать. Не хотел ее расстраивать? Или чего-то опасался?

Эшли зажмурилась и стиснула ладонями виски.

Что делать?! Что ей делать?!

Сэм Блейк поднялся на этаж, где располагались производственные отделы. Здесь царил похоронная атмосфера. Бледные перепуганные служащие, сбившиеся в небольшие группки, опасливо перешептывались: очевидно, все уже знали о случившемся. Эшли с замиранием сердца следила за помощником шерифа, который уверенно, словно уже много раз тут бывал, направился к кабинету Шейна Миллера.

Шейн поднялся ему навстречу:

– Помощник шерифа Блейк?

– Он самый.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Садитесь, мистер Блейк.

Сэм коротко кивнул.

– Насколько я понимаю, Деннис Тиббл работал у вас?

– Совершенно верно. Один из лучших сотрудников. Какая ужасная трагедия!

– Он прослужил здесь около трех лет?

– Да. Настоящий компьютерный бог. Мы без него как без

рук. Просто чудеса творил.

– Вы что-нибудь знаете о его личной жизни? Насчет работы я уже все понял.

– Боюсь, почти ничего, – покачал головой Шейн. – Тиббл был нелюдим. Крайне замкнут. Волк-одиночка, так сказать.

– А как насчет наркотиков? Употреблял?

– Деннис? Вот уж нет! Был просто помешан на здоровом образе жизни. Даже не курил!

– Может, играл? И задолжал кому-то уйму денег?

– Мне об этом ничего не известно. Он был одним из самых высокооплачиваемых сотрудников и к тому же довольно прижимист. Так что...

– А женщины? У него была девушка?

– Женщины не слишком жаловали его вниманием. Вернее будет сказать, бегали от Тиббла как от чумы, – заверил Шейн, но, подумав немного, добавил: – Правда, в последнее время он распространялся насчет того, что подумывает жениться.

– Он, случайно, не упоминал имени невесты?

– Нет. Во всяком случае, в разговорах со мной.

– Не возражаете, если я потолкую с вашими коллегами?

– Разумеется, нет. Ради бога, каждый будет рад рассказать, что знает. Но должен предупредить, они страшно потрясены гибелью Тиббла и, возможно, не сразу соберутся с мыслями.

«Потрясены! Хотел бы я знать, что бы с ними случилось при

виде трупа!»

Мужчины вышли в коридор.

– Прошу минуту внимания, – громко объявил Миллер. – Это помощник шерифа Блейк. Он хочет задать вам несколько вопросов.

Присутствующие мгновенно стихли и насторожились.

– Вы, конечно, слышали, что произошло с мистером Тибблом, – начал Блейк. – Нам необходима ваша помощь в расследовании убийства. Возможно, кто-то из вас сумеет вспомнить, были ли у него враги? Кто ненавидел его настолько, чтобы отправить на тот свет?

Последовало гробовое молчание.

– Кстати говоря, он собирался жениться. Имя этой женщины пока неизвестно. Он говорил о ней с кем-нибудь из вас?

Эшли судорожно хватала воздух ртом. Опять она задыхается, в голове звенящая пустота. Почему она молчит? Почему не двигается с места? Ведь сейчас самое время рассказать помощнику шерифа обо всем, что сделал с ней Тиббл.

Но перед глазами встало искаженное яростью лицо отца, узнавшего правду. Его обвинят в преступлении и засадят в тюрьму! Арестуют за то, что отомстил за единственную дочь!

Но отец не мог никого убить.

Всемирно известный врач-хирург...

Денниса Тиббла кастрировали...

К реальности ее вернул обрывок фразы:

– ...никто не видел, как он уходил в пятницу?

«Ну что, лицемерка проклятая, доигралась? – мысленно ухмыльнулась Тони Прескотт. – Давай, признавайся, что ушла вместе с Тибблом! Что, язык проглотила?»

Помощник шерифа устало вздохнул, пытаясь скрыть разочарование.

– Что же, если кто-то припомнит какие-нибудь подробности, буду благодарен за звонок. Мистер Миллер записал номер моего телефона. Всем спасибо.

Толпа молча наблюдала, как Блейк в сопровождении Шейна идет к выходу. Эшли едва не теряла сознание от облегчения.

– Скажите, мистер Миллер, были ли у потерпевшего друзья?

– Нет, я бы не сказал, – задумчиво протянул Шейн. – Деннис не из тех людей, кто испытывает потребность в общении. Правда, он серьезно увлекся одной из наших дизайнеров, но там ему ничего не светило.

Блейк замер как вкопанный.

– Что же вы раньше... Она здесь?

– Да, но...

– Я хотел бы немедленно побеседовать с ней.

– Как угодно. Можете воспользоваться моим кабинетом.

Эшли увидела, как они возвращаются. Мало того, идут прямо к ней.

Предательская краска бросилась в лицо девушке. «Неуже-

ли... неужели?»

Она не успела додумать до конца – мужчины были уже рядом.

– Эшли, помощник шерифа Блейк хочет задать тебе несколько вопросов.

Так он знает! Знает, где она провела вечер пятницы! Нужно быть крайне осторожной, иначе недолго и угодить в западню!

– Надеюсь, вы не возражаете, мисс Паттерсон? – осведомился Блейк.

– Конечно, нет, – выдавила Эшли.

– В таком случае, думаю, нам будет удобнее в кабинете мистера Миллера.

Эшли покорно последовала за Сэмом.

– Прошу садиться, – предложил он. – Насколько я понял, этот Деннис Тиббл был к вам равнодушен.

– Я... Я полагаю...

«Осторожнее!»

– Кажется, да.

– Вы с ним встречались?

«Всего лишь согласилась зайти к нему домой. Но это совсем не одно и то же, что встречаться».

– Нет.

– Он когда-нибудь рассказывал о женщине, на которой хотел жениться?

Господи, ее засасывает все глубже, с каждой секундой. А

что, если он записывает ее ответы на диктофон? Может, они уже докопались до истины, и все знают о ее так называемом визите на квартиру Тиббла? Или нашли ее отпечатки? Да открой же рот, кретинка, расскажи, что сотворил с тобой Тиббл!

Но в таком случае они доберутся до отца и свяжут смерть Тиббла с убийством Джима.

Да кто теперь помнит о преступлении десятилетней давности? И вряд ли власти сочтут нужным уведомить полицию Бедфорда. Или она просто себя успокаивает?! Как выпутаться из сетей, которые сплетает этот человек?

Помощник шерифа пристально уставился на Эшли, ничем не выказывая нетерпения.

– Мисс Паттерсон, – осторожно напомнил он о своем присутствии, видя, что девушка не расположена к откровенности.

– Что? Ах, извините. Все это так печально. Я совсем голову потеряла.

– Понимаю, мисс Паттерсон. И все-таки, как насчет той таинственной дамы, невесты Тиббла?

– Видите ли, он не называл ее имени.

Это по крайней мере было правдой.

– Вы когда-нибудь бывали в доме Тиббла?

Эшли глубоко вздохнула. Если она скажет «нет», допрос скорее всего на этом закончится. Но что, если ее отпечатки обнаружены?

– Да.

– Вы бывали в его квартире?

– Была один раз.

Помощник шерифа подобрался, точно гончая, взявшая след.

– Но вы сказали, что не встречались с ним вне работы.

Мысли Эшли лихорадочно заметались. «Дура! Сама загнала себя в угол! И что теперь делать?»

– Верно... То есть я хочу сказать, он много раз пытался назначить мне свидание, но я отказывалась. В тот раз я завезла бумаги, которые срочно ему потребовались.

– И больше вы никогда туда не ездили?

– Именно.

Теперь, даже если там и нашли отпечатки ее пальцев, ничего не сумеют доказать.

Помощник шерифа недоверчиво нахмурился, и Эшли неловко поежилась. Зачем она лжет? Не лучше ли было честно признаться во всем? В конце концов, к Деннису мог вломиться какой-нибудь громила... тот самый, что убил беднягу Джима за три тысячи миль отсюда. Да, все возможно. Если верить в совпадения. И в Санта-Клауса. И в добрых фей.

«Будь ты проклят, отец!»

– В округе много лет не случалось убийства, совершенного с такой зверской жестокостью, – тихо заметил Блейк. – И на первый взгляд абсолютно бессмысленного. Но за все годы, что я прослужил в полиции, ни разу не встречал безмо-

тивного преступления. Правда, существуют еще и маньяки, и вот их поймать труднее всего.

Он немного помедлил и, не дождавшись ответа, неожиданно резко спросил:

– Деннис Тиббл был наркоманом?

– Уверена, что нет.

– Итак, что мы имеем? Никаких наркотиков. Он не был ограблен. Не имел долгов. Остается старый как мир повод – ревность. Не так ли, мисс Паттерсон? Он кого-то обманул и был за это наказан.

«Да, оскорбленным отцом, пытавшимся защитить свою дочь».

– Я так же сбита с толку, как и вы, помощник.

Блейк чуть прищурился, и Эшли прочитала в его взгляде нечто вроде недоверия.

Однако он не стал продолжать разговор и, поднявшись, протянул Эшли визитную карточку.

– Если что-то вспомните и позвоните мне, буду крайне благодарен, мисс Эшли.

– Не сомневайтесь, мистер Блейк.

– Желаю здравствовать.

Эшли обессиленно обмякла.

«Все обошлось. Они не тронут отца».

Вернувшись домой, Эшли обнаружила на автоответчике странную запись:

«Беби, я тащусь от тебя! У меня все стоит при одном воспоминании о наших игрушках! Такого спарринг-партнера, как ты, еще поискать! Задашь мне сегодня жару, как обещала? То же время, в том же месте».

Эшли не верила собственным ушам.

«Я просто схожу с ума. Все это не имеет ничего общего с отцом. Кто же стоит за всем этим? И что ему нужно от меня? Что?!»

В конце недели Эшли получила отчет из банка, которым была выдана ее кредитная карточка, и окончательно потеряла самообладание. Три пункта сразу привлекли ее внимание.

Счет от магазина одежды «Мод» на четыреста пятьдесят долларов.

Счет из «Секес-клуб» на триста долларов.

Счет из ресторана «Луи» на двести пятьдесят долларов.

Эшли слыхом не слыхала ни о магазине, ни о клубе, ни о ресторане. И понятия не имела, где они находятся. Она в жизни там не бывала.

Невидимка не собирался отпускать свою жертву.

Глава 7

Эшли Паттерсон каждый день покупала газеты, кричавшие о кошмарных подробностях убийства Денниса Тиббла, а по вечерам не отходила от телевизора. Полиция, похоже, зашла в тупик.

Эшли старательно убеждала себя, что волноваться не из-за чего.

Никто не заподозрит отца. Их фамилия ни разу не упоминалась. Может, все постепенно затихнет?!

Однако как-то вечером в ее квартиру позвонил Сэм Блейк. Эшли безмолвно воззрилась на него. Во рту мгновенно пересохло. Зачем он явился?

– Надеюсь, я не слишком побеспокою вас, – вежливо начал помощник шерифа. – Завернул по пути домой. Я ненадолго. Не возражаете?

Эшли судорожно сглотнула и поморщилась от боли в горле.

– Ничего страшного. Входите, пожалуйста.

Блейк нерешительно переступил порог и огляделся.

– У вас очень мило.

– Благодарю.

– Готов поклясться, Деннису Тибблу такая обстановка пришлась не по вкусу.

Сердце Эшли глухо заколотилось.

– Трудно сказать. Он никогда здесь не бывал.

– Вот как! А я думал...

– Напрасно думали, мистер Блейк. Я уже говорила, мы не встречались вне работы.

– О, простите, запямятовал. Можно сесть?

– Пожалуйста.

– Видите ли, мисс Паттерсон, в этом деле с самого начала возникли определенные трудности. Проблема в том, что убийство не вписывается ни в одну из возможных в таком случае схем. Мотив для меня по-прежнему остается загадкой. Я беседовал с вашими коллегами и выяснил, что никто не знал Тиббла достаточно хорошо. Он ни с кем близко не общался. Настоящий нелюдим. Ни одного друга.

Эшли напряженно слушала, ожидая неминуемого удара. Нить, на которой подвешен дамоклов меч, становилась все тоньше. Вот сейчас...

– Собственно говоря, выяснилось, что вы единственная, кем он интересовался.

«Неужели действительно вынюхал что-то или берет на пушку? Пытается поймать на удочку? Или попросту ловит рыбку в мутной воде?»

– Видите ли, помощник, возможно, он действительно интересовался мной, не отрицаю. Но я была к нему совершенно равнодушна и достаточно ясно давала ему это понять. Он не раз пытался назначить мне свидание, но я всегда отказывалась. И всем это известно. Так что вы обратились не по

адресу.

Сэм согласно кивнул:

– Верю. И думаю, с вашей стороны было очень любезно завезти ему те документы.

Эшли едва не спросила, о каких документах идет речь, но вовремя опомнилась.

– Что... что тут такого? Времени я потратила совсем немного. Заехала на пять минут и сразу же вышла.

– Понимаю. Знаете, мисс Паттерсон, тот, кто это сделал, должно быть, здорово ненавидел Тиббла.

Эшли с деланным равнодушием пожала плечами.

– Знаете, чего я не терплю больше всего? – продолжал как ни в чем не бывало Блейк. – Нераскрытые убийства. Просто места себе не нахожу. Понимаете, если преступник остался безнаказанным, это еще не означает, что он так уж изворотлив. Беда в том, что именно полицейские оказались не слишком умны и сообразительны. До сих пор мне везло. Я сумел отправить за решетку всех поганцев, которые посмели встать на моем пути. И на этот раз не намерен сдаваться, – сказал он, поднимаясь. – Что же, мисс Паттерсон, мне пора. Помните о своем обещании позвонить, если узнаете что-то полезное.

– Разумеется, помощник.

Эшли задвинула засов и обессиленно прислонилась к двери.

«Зачем он приходил? Предупредить? Неужели знает

больше, чем говорит?!»

Тони все больше времени проводила в путешествиях по Интернету. Больше всего ей нравилось болтать с Жан-Клодом, но и других собеседников она не оставляла без внимания. При каждой возможности она, улучив свободную минутку, садилась за компьютер, и на экране возникали слова, фразы, целые послания.

– Тони! Где тебя носило? Я целую вечность торчу в «чат-рум», дожидаясь тебя.

– Значит, я того стою. Кто ты? Чем занимаешься?

– Работаю в аптеке. Могу кое в чем помочь, если требуется. Ты нюхаешь? Колешься?

– Отвали.

– Это ты, Тони?

– Твоя мечта сбылась, детка. Марк, кажется?

– Кто же еще?

– Давно не трепались.

– Много дел. Хочешь увидеться, Тони?

– А кто ты, Марк?

– Библиотекарь.

– Как волнительно! Книжки, торжественная тишина, запах пыли и тому подобное...

– Когда мы сможем встретиться?

– Советую обратиться за ответом к Нострадамусу.

– Привет, Тони. Меня зовут Уэнди.

– Привет, Уэнди.

– Ты вроде своя в доску.

– Просто наслаждаюсь каждой прожитой минутой.

– Хочешь, покажу, как наслаждаться на полную катушку?

– Ты это о чем?

– Ну... надеюсь, ты не из тех узколобых ханжей, которые боятся чужого мнения, опасаются попробовать что-нибудь новенькое и возбуждающее? Нужно все испытать, не находишь? Мы могли бы классно проводить время.

– Спасибо, Уэнди, но боюсь, у тебя нет тех причиндалов, которые мне требуются.

В один из таких вечеров снова дал о себе знать Жан-Клод Паран.

– Bonne nuit¹¹. Как поживаешь, Тони?

– Прекрасно. А ты?

– Скучал по тебе. Умираю от желания поскорее увидеться.

– Я тоже. Спасибо за фото. Неплохо выглядишь!

– А ты прелестна. По-моему, нам как можно скорее следует побольше узнать друг о друге. Твоя компания посылает сотрудников в Квебек на компьютерную конференцию?

– Конференцию? Впервые слышу! Когда начало?

– Через три недели. Сюда съедутся компьютерные специ-

¹¹ Доброй ночи (*фр.*).

алисты со всего света. Надеюсь, ты будешь там?

– Возможно.

– Встретимся в «чат-рум» завтра в это же время?

– Конечно. До завтра.

– До завтра, дорогая.

На следующее утро Шейн Миллер зашел к Эшли:

– Дорогая, надеюсь, ты слышала о компьютерной конференции в Квебеке? – осведомился он.

– Естественно, – кивнула девушка. – Звучит заманчиво.

– Мы только что обсуждали, стоит ли посылать своих представителей.

– Что тут обсуждать? – пожалала плечами Эшли. – Чуть ли не весь мир участвует, а мы должны остаться в стороне? Все известные компании там будут: «Семантек», «Майкрософт», «Эпл». Квебек устраивает для всех участников большой праздник. Такая поездка все равно что подарок к Рождеству.

Шейн Миллер улыбнулся ее воодушевлению.

– Ладно, поговорю с начальством.

Назавтра он вызвал Эшли к себе.

– Ну как, хочешь провести Рождество в Квебеке?

– Едем?! – обрадовалась Эшли. – Вот здорово!

До сих пор она проводила рождественские праздники с отцом, но теперь боялась и не хотела его видеть.

– Советую взять с собой вещи потеплее.

– Не волнуйся, возьму. Ну и повезло же нам! Неужели это не сон?!

Тони уселась перед компьютером. Пальцы быстро забегали по клавишам.

– Жан-Клод! Мы тоже скоро будем в Квебеке! Решено послать нас на конференцию!

– Formidable! Потрясающе! Я так рад! Когда прилетаешь?

– Через две недели. И вместе со мной еще четырнадцать человек.

– Превосходно. У меня такое предчувствие, что вот-вот случится нечто очень важное.

– И у меня.

«Нечто очень важное...»

Эшли все вечера проводила перед телевизором, но, казалось, все уже забыли об убийстве Тиббла. Никаких новостей. Репортеры постепенно занялись новыми скандалами, и никому больше не было дела до маньяка, терзавшего свои жертвы. Девушка начала успокаиваться. Если полиция не докопалась до ее отношений с Тибблом, отца уж точно оставят в покое. Девушка не раз пыталась набраться мужества для откровенного разговора с отцом, но в последний момент обычно отступала, и все оставалось по-прежнему. И потом, какое она имеет право подозревать единственного родного человека в подобных гнусностях? Что, если он невиновен? Сможет

ли отец простить ей брошенные в лицо ужасные обвинения?

А если он и виновен, она ничего не желает знать. Просто не перенесет такого. Что ни говори, а отец в любом случае пытался заступиться за нее. Что бы там ни было, а он по-своему прав. По крайней мере ей не придется проводить с ним Рождество.

Наконец Эшли, скрепя сердце, позвонила отцу в Сан-Франциско и, не тратя времени на предисловия, коротко бросила:

– В этом году я не смогу быть с тобой на Рождество, отец. Компания посылает меня в Канаду.

Последовало долгое молчание.

– Как не вовремя, Эшли. Мы всегда праздновали Рождество вместе.

– Ничего не поделаешь, отец.

– Кроме тебя, у меня никого нет, и ты это знаешь.

– Да, папа... И у меня тоже.

– По-моему, важнее этого нет ничего на свете.

«Настолько важно, чтобы убить?»

– Где состоится съезд?

– В Квебеке. Это...

– Вот как! Прекрасное место. Я не был там уже много лет. Вот что, дорогая. Сейчас у меня нет никакой срочной работы. Я вылечу в Квебек, и мы устроим рождественский ужин.

– Не думаю, что это хорошая... – поспешно начала Эшли.

– Забронируй мне номер в том отеле, где остановишься. Не стоит нарушать традицию, верно?

Чуть замаявшись, Эшли нерешительно пробормотала:

– Конечно, отец.

«Как мне взглянуть ему в глаза?!»

Алетт была вне себя от радостного волнения и не находила себе места. «Когда же? Когда?!»

– Поверишь, ни разу не была в Квебеке! Там много музеев?

– Наверное, – безразлично пожала плечами Тони. – Как во всех больших городах. Зато можно вдоволь покататься! Лыжи, коньки...

Алетт зябко передернула плечами:

– Ненавижу холод. И никаких лыж! Пальцы даже в перчатках немеют! Пожалуй, обойдусь музеями. И что тебе неймется? Б-р-р!

Двадцать первого декабря представители «Глоубл компьютер графикс» прибыли в международный аэропорт Жан-Лесаж в Сен-Фой, а оттуда направились автобусами в легендарный квебекский отель «Шато Фронтенак». Улицы и здания были окутаны ослепительно-белым снежным покрывалом. Крохотные кристаллики снега сверкали бесчисленными бриллиантами в лучах зимнего закатного солнца.

Жан-Клод Паран оставил Тони номер своего телефона. Устроившись и развесив вещи, Тони немедленно подняла

трубку:

– Надеюсь, я звоню не слишком поздно?

– Конечно, нет! Просто поверить не могу, что ты здесь!

Когда мы увидимся?

– Завтра придется сидеть на конференции, но я обязательно ускользну, чтобы пообедать с тобой.

– Прекрасно! На Гранд-Алле-Эст находится чудесный ресторанчик – «Ле Пари-Брест». Сумеешь приехать к часу дня?

– Конечно.

Квебекский Центр Конгрессов на бульваре Рене Левек, большое просторное четырехэтажное здание современной архитектуры из стекла и стали, сегодня было заполнено до отказа. Уже с девяти часов в просторных помещениях толпились компьютерные специалисты со всего мира. Молодые и не очень, самого вызывающего вида и одетые в строгие деловые костюмы, они тем не менее находили общий язык, обменивались информацией по последним разработкам в области компьютерных технологий и новых программ. В выставочных залах, видео- и мультимедийных центрах яблоку негде было упасть. Сегодня здесь проводилось с полдюжины семинаров одновременно. Вскоре все это смертельно надоело Тони. Сплошная трепотня, а дела ни на грош!

Без четверти час она потихоньку вышла из Центра и, взяв такси, отправилась в ресторан. Жан-Клод уже ждал ее. Они сразу узнали друг друга и остались довольны увиденным.

Глаза Жан-Клода излучали тепло, и на душе у Тони отчего-то стало легко и хорошо.

– Тони, – негромко сказал он, сжимая ее руку, – я так рад, что ты смогла приехать.

– И я тоже.

– Попытаюсь сделать все для того, чтобы тебе здесь понравилось, – пообещал француз. – Здесь столько всего интересного!

Тони кивнула и улыбнулась.

– Поскорее бы все увидеть!

– Я бы хотел все эти дни провести с тобой.

– Но ведь ты человек занятой. Неужели сумеешь освободиться? Как насчет твоего магазинчика?

– Служащим придется обойтись без меня, – улыбнулся Жан-Клод.

Некстати появившийся официант принес меню.

– Хочешь попробовать блюда французской Канады? – предложил Паран.

– Еще бы!

– В таком случае позволь мне сделать заказ.

И, обратившись к официанту, он попросил:

– Принесите «Le Brome Lake Duckling».

Тот с поклоном удалился. Жан-Клод чуть виновато объяснил:

– Прости, что не перевел сразу. Это местное блюдо – утка в кальвадосе, начиненная яблоками.

– М-м-м, восхитительно! У меня уже слюнки текут.

Ожидания Тони полностью оправдались. Ничего вкуснее она в жизни не ела. За обедом они рассказывали друг другу о себе. О своей жизни. О прошлом.

– Значит, ты ни разу не был женат? – любопытствовала Тони.

– Нет. А ты? Неужели так и не выходила замуж?

– Представь себе, нет.

– Должно быть, просто не встретила еще своего единственного.

«О боже, если бы все было так просто! Лучшего и желать бы нечего!»

– Видимо, ты прав.

– Кстати, чем займемся после обеда? Ты катаешься на лыжах?

– И не только. На коньках тоже.

– Прекрасно. Можно взять напрокат снегокаты. Здесь полно катков, купим коньки, а лыжи у меня есть. А перед здешними магазинами ты не сможешь устоять. Я готов положить к твоим ногам весь город!..

В его энтузиазме было нечто заразительно-мальчишеское. Как же ей повезло! Наверное, единственный раз в жизни. Ни с кем ей не было так хорошо и спокойно. Иногда она даже ненадолго забывается. И становится прежней. Именно с ним.

Шейн Миллер объявил, что представители «Глоубл»

должны посещать утренние заседания и семинары. Таким образом, все остальное время они могут быть свободны.

– Просто не знаю, как убить время, – жаловалась Алетт Тони. – Как они живут в таком холоде? На улицу носа не высунешь! А ты? Что собираешься делать?

– Все! – выдохнула Тони с многозначительной ухмылкой.

– Лучше поздно, чем никогда, – завистливо фыркнула Алетт. Но Тони не обратила внимания. Приятельнице просто не повезло, что поделаешь! Зато она, Тони... Каждый день они с Жан-Клодом обедали, а потом отправлялись на поиски приключений. Квебек не был похож ни на один город мира. Как странно – обнаружить в Северной Америке живописную французскую деревню начала века. Древние улочки носили красочные названия, такие как Брейк-Нек-Стейрз, Билоу-зе-Форт и Сейлорз-Лип¹². Настоящий пряничный городок, совсем как знаменитая стеклянная новогодняя игрушка, которую стоит лишь тряхнуть, чтобы пошел снег, засыпающий старинные здания, готические церкви, пешеходов в национальных французских костюмах.

Они побывали в Ла-Ситадель, крепости, стены которой некогда защищали Квебек от набегов индейцев, и Жан-Клод наконец смог показать Тони замечательное зрелище – смену караула у ворот форта. Часами бродили по узким улочкам с множеством маленьких лавчонок и дорогих магазинов, гуляли по Квартье-Пти-Шамплен.

¹² Букв.: лестница «сломай шею», «под фортом», «прыжок матроса».

– Это самый старый торговый квартал во всей Северной Америке, – пояснил Жан-Клод.

Тони восхищенно захлопала в ладоши. Праздничная атмосфера закружила ее, захватила, заставила забыть о мрачной тайне. Повсюду, где бы они ни появились, стояли празднично украшенные елки, в витринах красовались фарфоровые изображения Богоматери, крошечные ясли с младенцем Христом в окружении волхвов, а зевак развлекали маленькие оркестрики.

Жан-Клод выполнил обещание и взял напрокат два снежоката. Они долго катались по заснеженным горным склонам, соревнуясь в ловкости и умении управлять верткими машинками.

– Тебе хорошо? – весело окликнул Жан-Клод.

Тони отчего-то поняла, что это не пустой вопрос, и, вмиг став серьезной, тихо ответила:

– Очень.

Неверная подруга покинула Алетт, но та не унывала. Все свободное время она проводила в музеях. С замирающим сердцем обошла базилику Нотр-Дам, церковь Доброго Пастыря и музей Огюстин, но сам город ничуть ее не заинтересовал. И хотя здесь было множество изысканных ресторанов, способных удовлетворить вкус любого гурмана, дискотек и театров, она обычно обедала в ресторане «Ле Комменсал» или вегетарианском кафетерии.

Время от времени она вспоминала о Ричарде Мелтоне – своем друге, оставшемся в Сан-Франциско. Интересно, что он сейчас делает и помнит ли свою Алетт?

Эшли с тоской и ужасом думала о приближавшемся Рождестве и встрече с отцом. Рука сама тянулась к трубке. Нужно позвонить ему, попытаться объяснить, почему она не желает его приезда.

Объяснить?! Что именно? Сказать в лицо, что он убийца? Садист? И что отныне она не хочет его видеть?

А Рождество вот-вот настанет. И выхода нет.

Только Тони и Жан-Клод веселились беспечно, как дети. Каждый день превращался в бесконечную череду развлечений. Жан-Клод был щедр и не жалел денег. Как-то он предложил Тони посмотреть его ювелирный магазин. Та с готовностью согласилась.

«Паран джуелерз» находился в самом сердце Квебека, на рю Нотр-Дам. Подойдя поближе, Тони настороженно замерла. Такого она не ожидала. При первом разговоре Жан-Клод обмолвился, что владеет маленькой ювелирной лавчонкой. Однако сейчас она увидела огромное, со вкусом отделанное здание. Внутри все сверкало хрусталем и зеркальным стеклом. С полдюжины продавцов почтительно обслуживали покупателей. Выбор тоже оказался весьма разнообразным. По всему было видно, что ассортимент рассчитан на богатых

клиентов с достаточно высокими запросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.